

РЕБЕККА КУАНГ

ОПИУМНАЯ ВОЙНА

Премия им.
Уильяма
Кроуфорда

Премия
Reddit Fantasy
Award

Мемо-
риальная
премия
Комптона
Крука

УЧЕНИЦА
СОЛДАТ
БОГИНЯ

18+

fan_zon

Маковые войны

Ребекка Куанг

Опиумная война

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Куанг Р.

Опиумная война / Р. Куанг — «Эксмо», 2018 — (Маковые войны)

ISBN 978-5-04-103078-0

Сирота Рин торгует зельями в лавке приемных родителей. Суровая жизнь обещает стать кошмаром, ведь Рин предстоит неравный брак. Единственный шанс избежать этой участи – сдать экзамен в военную академию Синегарда. Но достижение цели оказывается лишь началом в цепи испытаний. Федерация Муген развязала войну, и Рин придется забыть о перенесенных унижениях, сражаясь плечом к плечу с обидчиками, попробовать на вкус предательство и сделать выбор – остаться ли человеком, или стать шаманом – проводником жестокого бога.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-103078-0

© Куанг Р., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	50
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ребекка Куанг Опиумная война

Rebecca Kuang
THE POPPY WAR

Copyright © 2018 by Rebecca Kuang Published by permission of the author and his literary agents,

Liza Dawson Associates (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2019

* * *

Посвящается Айрис

Часть первая

Глава 1

– Раздевайся.

– Что?! – вытаращила глаза Рин.

Надзиратель оторвал взгляд от бумаг.

– Протокол для предотвращения обмана. – Он махнул рукой в другой конец комнаты, на надзирательницу. – Ступай с ней.

Рин скрестила руки на груди и подошла к надзирательнице. Та повела ее за ширму, ощутила на предмет того, не засунула ли она куда-нибудь материалы для экзамена, а потом протянула бесформенный синий мешок.

– Надень, – велела она.

– Это точно необходимо?

Рин разделась, стуча зубами. Экзаменационная рубашка оказалась ей велика, пришлось закатать рукава.

– Да. – Надзирательница жестом велела сесть на скамью. – В прошлом году поймали двенадцать студентов с зашитыми в подкладку шпаргалками. Мы принимаем меры предосторожности. Открой рот.

Рин подчинилась.

Надзирательница надавила на язык тонкой палочкой.

– Цвет не изменен, это хорошо. Открой глаза пошире.

– С чего бы кому-то принимать перед экзаменом наркотики? – спросила Рин, пока надзирательница поднимала ее веки.

Та не ответила.

Надзирательница махнула Рин, чтобы шла в коридор, где неровной вереницей выстроились другие потенциальные студенты – с пустыми руками и напряженными лицами. На экзамен они не брали ничего, ведь в кисть тоже можно засунуть скрученные шпаргалки.

– Держите руки так, чтобы мы их видели, – приказал надзиратель, расхаживая перед шеренгой. – Рукава закатать выше локтя. Друг с другом не разговаривать. Если кому-то нужно в туалет, поднимите руку. В дальнем углу зала есть ведро.

– А если приспичит по-большому? – спросил какой-то парень.

Надзиратель смерил его долгим взглядом.

– Экзамен длится двенадцать часов, – извиняющимся тоном добавил парень.

Надзиратель пожал плечами.

– Тогда постарайтесь не шуметь.

Рин слишком волновалась, чтобы позавтракать. Одна мысль о еде вызывала тошноту. Желудок и кишечник были пусты. Лишь разум наполнен, забит безумным количеством математических формул, поэм, научных трактатов и исторических дат, которые предстояло излить на экзаменационный лист. Она была готова.

Аудитория вмещала сотню абитуриентов. Столы выстроены аккуратными рядами по десять в каждом. На каждом столе – толстый экзаменационный буклет, чернильница и кисть для письма.

Во многих провинциях Никана для тысяч абитуриентов каждый год отводили целиком здание городской управы. Но городок Тикани в провинции Петух был всего лишь селом, населенным крестьянами. В Тикани больше нуждались в рабочих руках для полей, чем в отпрысках с университетским образованием. В Тикани для экзамена хватало и одной комнаты.

Рин вошла в нее с другими претендентами и заняла предназначенное ей место. Она задумалась о том, как абитуриенты выглядят сверху – аккуратные квадратики черных волос, одинаковые синие рубахи и коричневые деревянные столы. Представила многочисленные аудитории по всей стране, где все в нервном предвкушении смотрят на водяные часы.

Зубы Рин отбивали безумное стаккато, причем не от холода, и, вероятно, этот звук слышали все остальные. Она стиснула челюсти, но тогда дрожь побежала по рукам и коленям. Кисть для письма тряслась в ладони, разбрызгивая по столу черные кляксы.

Рин сжала кисть покрепче и написала свое имя на титульном листе буклета. «Фан Рунин».

Волновалась не только она. Судя по звукам, в дальних рядах кого-то уже вырвало.

Она стиснула пальцами бледные шрамы от ожогов на запястье и выдохнула. «Сосредоточься».

В углу тихо звякнули водяные часы.

– Начали, – сказал экзаменатор.

Зашелестела сотня экзаменационных буклетов, как будто разом вспорхнула стайка воробьев.

Два года назад, когда регистрационная палата Тикани постановила, что Рин исполнилось четырнадцать, ее вызвали к себе приемные родители.

Такое случалось редко. Обычно Фаны делали вид, что Рин не существует, пока для нее не находилось задания, а потом отдавали приказы, как собачонке. Запри лавку. Развесь белье. Отнеси пакет с опиумом соседям и не вздумай уходить, пока не сдерешь с них вдвое больше той суммы, которую заплатили мы.

В гостевом кресле восседала женщина, которую Рин никогда прежде не видела. Лицо было покрыто толстым слоем чего-то вроде белой рисовой муки, не считая островков цвета на губах и веках. Она была в ярко-лиловом платье с узором из цветов сливы, но фасон годился, скорее, для девушки вдвое моложе. Приземистая фигура переваливалась через боковины кресла, как мешок с зерном.

– Это та самая девочка? – спросила гостя. – Хм. Уж больно смуглая, инспектор и бровью не поведет, если вы слегка не прибавите цену.

У Рин возникло кошмарное подозрение о происходящем.

– Кто вы? – спросила она.

– Сядь, Рин, – велел дядюшка Фан.

Он твердо указал ей на стул. Рин тут же пустилась наутек. Тетушка Фан схватила ее за руку и притащила обратно. Последовала короткая схватка, тетушка Фан одолела Рин и толкнула ее к стулу.

– Я не пойду в бордель! – завопила Рин.

– Она не из борделя, дура, – огрызнулась тетушка Фан. – Сядь. Выкажи хоть каплю уважения свахе Лью.

Сваху Лью это нисколько не побеспокоило, по работе она часто сталкивалась с обвинениями в торговле секс-товаром.

– Тебе очень повезло, милая, – сказала она бодро и с наигранной лаской. – Хочешь узнать почему?

Рин вцепилась в край стула и уставилась на красные губы свахи.

– Нет.

Улыбка свахи Лью слегка потухла.

– Ну разве не милашка?

Оказалось, что после долгих и упорных поисков сваха Лью нашла в Тикани мужчину, желающего жениться на Рин. Это был богатый торговец, импортер свиных ушей и акульих плавников. Он уже дважды развелся и был втрое старше.

– Ну разве не чудесно? – просияла сваха Лью.

Рин бросилась к двери. Она не успела сделать и двух шагов, как тетушка Фан схватила ее за руку.

Рин знала, что за этим последует. Она приготовилась выдержать удар, тычки по ребрам, где не видно синяков. Но тетушка Фан только подтащила ее обратно к стулу.

– Веди себя прилично, – прошептала она, и стиснутые зубы обещали наказание, но не сейчас, не в присутствии свахи Лью.

Тетушка Фан не любила творить жестокости на людях.

Не знаящая об этом сваха Лью прищурилась.

– Не бойся, милая. Это так чудесно!

Рин замутило. Она повернулась, чтобы посмотреть на приемных родителей, и постаралась говорить спокойно:

– Я думала, что нужна вам в лавке.

Почему-то больше ничего в голову не шло.

– Лавкой займется Кесеги, – ответила тетушка Фан.

– Кесеги всего восемь.

– Он скоро вырастет. – Глаза тетушки Фан блестели. – А твой будущий муж – как раз местный инспектор по импорту.

И тогда до Рин дошло. Фаны заключили простую сделку: сирота взамен на почти что монополию на черном рынке опиума в Тикани.

Дядюшка Фан глубоко затянулся из трубки и наполнил комнату густым тошнотворным дымом.

– Он богат. Ты будешь счастлива.

Нет, это Фаны будут счастливы. Они смогут импортировать опиум крупными партиями, не тратясь на взятки. Но Рин держала рот на замке – дальнейшие споры принесут только боль. Ясно, что Фаны выдадут ее замуж, даже если придется волоком тащить в супружескую постель.

Рин никогда не была им нужна. Они взяли ее только потому, что указ императрицы после Второй опиумной войны повелевал всем семьям меньше чем с тремя детьми усыновить сирот, которые иначе стали бы ворами и попрошайками.

А раз детоубийство в Тикани не приветствовалось, Фаны сделали Рин продавщицей и опиумным курьером, как только она научилась считать. И все же, несмотря на бесплатный труд, Фаны считали, что тратят на кормежку и содержание Рин слишком много. И теперь получили возможность избавиться от нее и этого финансового бремени.

Торговец может кормить и одевать Рин до конца ее дней, объяснила сваха Лью. Ей лишь надлежит окружить его нежностью, как положено хорошей жене, рожать детей и следить за домом (в котором, отметила сваха Лью, есть целых две уборные). Это самая лучшая сделка, на какую может рассчитывать военная сирота вроде Рин, без родни и связей.

Муж для Рин, деньги для свахи и наркотики для Фанов.

– Ух ты, – тихо выдохнула Рин. Пол под ее ногами ходил ходуном. – Прекрасно. Просто отлично.

Сваха Лью снова просияла.

Рин скрыла панику, стараясь дышать ровно, пока сваху не проводят из дома. Она низко поклонилась Фанам и, как преданная приемная дочь, поблагодарила за хлопоты, что добились для нее такого стабильного будущего.

Она вернулась в лавку, где проработала до темноты – принимала заказы, наполняла полки, отмечала новые заказы в книге.

Закавыка была в том, что приходилось очень аккуратно обращаться с цифрами при записи заказов. Так просто спутать девятку с восьмеркой. А еще проще – семерку с единицей.

Давно уже скрылось солнце, когда Рин вышла из лавки и заперла дверь.

Потом сунула пакет с краденым опиумом под рубаху и побежала.

– Рин? – Из двери библиотеки высунулся иссохший человек небольшого роста. – Великая черепаха! Что ты здесь делаешь? Льет как из ведра.

– Пришла вернуть книгу, – ответила она, протягивая влагонепроницаемый пакет. – А еще я выхожу замуж.

– Ясно. Что?! Входи.

Учитель Фейрик давал бесплатные уроки для крестьянских детей Тикани, в противном случае они выросли бы неграмотными. Рин доверяла ему больше, чем кому бы то ни было, и как никто другой понимала его слабости.

А потому он стал важной вехой в плане побега.

– Ваза пропала, – заметила она, оглядев тесную библиотеку.

Учитель Фейрик разжег камин и закрыл его шторкой. Потом жестом пригласил Рин сесть.

– Неудачная игра. Да и весь вечер.

Учитель Фейрик имел пагубное пристрастие к «Дивизионам» – чрезвычайно популярной игре в игорных притонах Тикани. Но хуже всего то, что он был плохим игроком.

– Бессмыслица какая-то, – заявил учитель Фейрик, когда Рин поведала ему новости о свахе. – С чего бы Фанам выдавать тебя замуж? Ты же их бесплатная рабочая сила!

– Да, но они решили, что я буду полезнее в постели инспектора по импорту.

– Вот же мерзавцы! – возмутился учитель Фейрик.

– Так вы можете? – с надеждой спросила Рин.

Он вздохнул.

– Дорогая девочка, если бы твои родители отправили тебя учиться в более юном возрасте, можно было бы об этом подумать... Я рассказал Фанам о твоём потенциале. Но сейчас ты говоришь о невозможном.

– Но...

Он поднял руку.

– Больше двадцати тысяч претендентов каждый год сдают кэцзюй, и только три тысячи поступают в академии. А из Тикани – всего несколько человек. Ты будешь соревноваться с детьми из богатых семей – семей торговцев и людей благородного сословия, которые всю жизнь учились.

– Но ведь я брала у вас уроки. Неужели экзамен такой сложный?

Учитель хмыкнул:

– Ты умеешь читать и пользоваться счетами. Этого недостаточно, чтобы сдать кэцзюй. Для этого экзамена требуются глубокие знания истории, математики, логики и классической литературы...

– Четыре благородных предмета, я знаю, – нетерпеливо проговорила она. – Но я быстро схватываю. Я знаю больше иероглифов, чем большинство взрослых деревни. Уж точно больше Фанов. Я могу догнать других учеников, если вы только позволите мне попробовать. Мне даже не нужны уроки. Только книги.

– Читать книги – это одно, – сказал учитель Фейрик. – А подготовка к кэцзюй требует полного погружения. Мои ученики посвящают этому всю жизнь, по девять часов в день, семь дней в неделю. А ты вместо этого работаешь в лавке.

– Я могу заниматься и в лавке, – возразила Рин.

– Разве у тебя там нет обязанностей?

– Я умею делать несколько дел одновременно.

Учитель скептически оглядел Рин, а потом покачал головой.

- У тебя есть только два года. Ничего не выйдет.
- Но у меня нет другого выхода, – выкрикнула она.

В Тикани незамужняя девушка вроде Рин стояла не дороже петуха. Она могла бы стать служанкой в богатом доме – если бы подкупила нужных людей. А иначе только два пути – проституция или попрошайничество.

И это не преувеличение, как бы театрально ни звучало. Рин могла бы сбежать из города на украденный опиум, купив проезд в караване в какую-нибудь другую провинцию. Но куда ехать? У нее нет ни друзей, ни семьи, никто не придет на помощь, если ее похитят или ограбят. У нее нет никаких полезных умений. Она никогда не покидала Тикани и ничего не знает о выживании в крупном городе.

А если ее схватят с таким количеством опиума... Хранение опиума в империи считалось тяжким преступлением. Ее отволокут на городскую площадь и публично обезглавят, как очередную жертву безуспешной войны империи против наркотиков.

Есть только один выход. Нужно убедить учителя Фейрика.

Рин протянула книгу, которую пришла вернуть.

– Это Мэн-цзы, «Размышления об искусстве управления государством». Я держала ее всего три дня, верно?

– Да, – согласился учитель, сверившись с записями.

Рин вручила ему книгу.

– Прочитайте что-нибудь. Любой абзац.

Учитель Фейрик по-прежнему смотрел на нее скептически, но пролистал книгу до середины, чтобы порадовать Рин.

– Чувство сострадания – это принцип...

– Благотворительности, – закончила она. – Чувство стыда и негодования – основа праведности. Чувство скромности и почтительности – это основа... основа... э-э-э... уместности. Чувство правды и неправды – это основа приобретения знаний.

Он поднял брови.

– И что это значит?

– Понятия не имею, – призналась Рин. – Если честно, я совсем не понимаю Мэн-цзы. Просто запомнила наизусть.

Учитель Фейрик пролистал книгу до конца, выбрал еще один пассаж и прочитал:

– «Порядок присутствует в земном царстве, когда все знают свое место. Все знают свое место, когда выполняют предназначенные им роли. Рыба не пытается взлететь. Хорек не пытается плавать. Лишь когда каждая тварь уважает небесный порядок, может настать мир». – Он захлопнул книгу и поднял взгляд. – А как насчет этого? Ты понимаешь, о чем здесь?

Рин знала, что пытается сказать учитель Фейрик.

Никанцы считали, что каждому отведена своя роль, все с рождения занимают свое место в иерархии. Все под небесами занимает свое место. Принцы становятся наместниками, кадеты – военными, а девочки-сироты из Тикани должны довольствоваться тем, что предназначено девочкам-сиротам из Тикани. Кэцзюй вроде бы предназначен для того, чтобы выбирать лучших, но на самом деле лишь богачи имеют достаточно денег, чтобы оплатить детям учителей, необходимых для сдачи экзамена.

Ну и пошел он пропадом, этот небесный порядок! Если ей предназначено выйти замуж за старика, то Рин перепишет эту роль.

– Это значит, что я отлично запоминаю всякую чушь, – сказала она.

Учитель Фейрик ответил не сразу.

– У тебя нет эйдетической памяти, – наконец сказал он. – Я учил тебя читать. Я бы знал.

– Верно, – согласилась она. – Но я упряма, усердно занимаюсь и не хочу замуж, совсем не хочу. Мне потребовалось три дня, чтобы запомнить Мэн-цзы. Это короткая книга, так что для

более длинных текстов понадобится неделя. Но сколько текстов в списке кэцзюй? Двадцать? Тридцать?

– Двадцать семь.

– Тогда я запомню все. Каждую книгу. Это все, что нужно для сдачи кэцзюй. Другие предметы не так трудны, заваливаются в основном на классической литературе. Вы сами говорили.

Учитель Фейрик прищурился, выражение его лица больше не было скептическим – он что-то прикидывал. Рин знала этот взгляд. Так он пытался рассчитать свои результаты в «Дивизионе».

В Никане успех учителя связан с его репутацией в зависимости от результатов кэцзюй. Если ученики поступают в академию, это привлекает новых. Больше учеников – больше денег, а для задолжавшего игрока вроде учителя Фейрика каждый новый ученик на счету. Если Рин поступит в академию, прилив новых учеников даст учителю Фейрику возможность покрыть самые неприятные долги.

– В этом году запись запоздала, верно? – поднажала Рин.

Учитель поморщился.

– В этом году засуха. Конечно, запись идет медленно. Не так уж много семей готовы оплатить учебу, если у их детей все равно мало шансов поступить.

– Но я могу поступить, – сказала Рин. – А когда поступлю, у вас будет сдавшая экзамен ученица. Как, по-вашему, это отразится на вашей школе?

Он покачал головой.

– Рин, я не могу брать с тебя деньги.

Это обрисовало вторую проблему. Рин собралась с духом и посмотрела ему прямо в глаза.

– Ничего страшного. Я и не могу заплатить.

Учитель был явно разочарован.

– В лавке я ничего не зарабатываю, – сказала Рин, прежде чем он смог вставить хоть слово. – Товар не мой. Я не получаю жалованье. Мне нужно, чтобы вы бесплатно помогли мне подготовиться к кэцзюй и в два раза быстрее, чем учите остальных.

Учитель Фейрик снова покачал головой.

– Моя дорогая девочка, я не могу, это... это...

Пришло время разыграть последнюю карту. Рин вытащила из-под стула кожаную сумку и водрузила ее на деревянный стол со звучным шлепком.

Взгляд учителя Фейрика с воодушевлением последовал за ее рукой, когда Рин вытащила из сумки тяжелый пакет со сладким запахом. Потом еще один. И еще один.

– Превосходный опиум на шесть лянов, – невозмутимо объявила она.

Такую сумму учитель Фейрик зарабатывал за полгода.

– Ты украла его у Фанов, – с сомнением произнес он.

Рин пожала плечами.

– Контрабанда – непростое занятие. Фаны знают, чем рискуют. Товар постоянно пропадает. Вряд ли они станут жаловаться судье.

Учитель потерял длинные усы.

– Мне не хотелось бы перебегать дорогу Фанам.

Он имел причины для страха. Жители Тикани предпочитали не ссориться с тетушкой Фан, если заботились о своем благополучии. Она была терпелива и непредсказуема, как змея. Могла годами таить обиду, а потом ударить с хорошо рассчитанной дозой яда.

Но Рин позаботилась о том, чтобы замести следы.

– На прошлой неделе власти в порту конфисковали одну поставку, – объяснила Рин. – А у нее пока что не было времени проверить запасы. Я просто помечу эти пакеты как утерянные. Она их не отследит.

– Но они могут тебя поколотить.

– Не слишком сильно, – пожалала плечами Рин. – Они не выдадут замуж поврежденный товар.

Учитель Фейрик с жадностью уставился на сумку.

– Договорились, – наконец сказал он и потянулся за опиумом.

Рин отодвинула пакет.

– Четыре условия. Первое – вы меня обучаете. Второе – обучаете бесплатно. Третье – вы не курите во время урока. И четвертое, если скажете кому-нибудь, где вы это достали, я сообщу кредиторам, где вас искать.

Учитель Фейрик долгую секунду смотрел на Рин, а потом кивнул.

Она откашлялась.

– А еще я хочу взять эту книгу себе.

Он криво улыбнулся:

– Из тебя вышла бы отвратительная проститутка. Никакого обаяния.

– Нет, – сказала тетушка Фан. – Ты нужна в лавке.

– Я буду учиться по ночам, – возразила Рин. – Или в перерыве.

Лицо отдраивающей сковородку тетушки Фан скривилось. В тетушке Фан все было грубым и резким – выражение лица, открытое нетерпение и раздражение, красные от уборки и стирки пальцы, хриплый голос, когда она орала на Рин, своего сына Кесеги, наемных контрабандистов или дядюшку Фана, лежащего без движения в заполненной дымом комнате.

– Что ты ему обещала? – подозрительно спросила она.

Рин окаменела.

– Ничего.

Тетушка Фан грохнула сковородкой о стол. Рин съежилась, испугавшись, что ее кража раскрыта.

– Что плохого в замужестве? – спросила тетушка Фан. – Я вышла за твоего дядю, когда была моложе, чем ты сейчас. Все девушки в деревне выйдут замуж до семнадцати лет. Думаешь, ты чем-то лучше?

Рин почувствовала такое облегчение, что пришлось напомнить себе – надо выглядеть пристыженной.

– Нет, не думаю.

– Думаешь, это так плохо? – Голос тетушки Фан стал подозрительно тихим. – В чем дело? Ты что, боишься делить с ним постель?

Рин об этом даже не задумывалась, но теперь от одной мысли в горле встал комок.

Губы тетушки Фан изогнулись в подобии веселья.

– Хуже всего в первую ночь, не буду отрицать. Сунь в рот тряпку, чтобы не прикусить язык. И не кричи, если только он не захочет. Не поднимай головы и делай, что он скажет, превратись в его немую домашнюю рабыню, пока он не начнет тебе доверять. А когда начнет, пичкай его опиумом. Сначала понемногу, хотя сомневаюсь, что прежде он никогда не курил. А с каждым днем давай все больше и больше. Давай по ночам, сразу, как он с тобой закончит, так что он всегда будет связывать опиум с удовольствием и властью. Давай ему все больше и больше, пока он не обретет зависимость и от опиума, и от тебя. Пусть разрушит свое тело и разум. Да, ты будешь замужем за живым трупом, зато получишь все его богатство, имущество и власть. – Тетушка Фан наклонила голову. – И будет ли тогда так же неприятно делить с ним постель?

Рин затошнило.

– Но я...

– Или ты боишься рожать? – Тетушка Фан вздернула голову. – Есть способ убивать младенцев в утробе. Ты же работаешь в аптеке. Сама знаешь. Но ты должна дать ему хотя бы одного сына. Сцементировать свою позицию первой жены, чтобы он не отдал все деньги наложнице.

– Но я этого не хочу, – выдохнула Рин.

Не хочу быть похожей на вас.

– Да кому какое дело, чего ты хочешь? – мягко сказала тетушка Фан. – Ты сирота войны. У тебя нет ни родителей, ни положения, ни связей. Тебе повезло, что инспектору плевать на красоту, ему нужна только молодость. Это лучшее, что я могу тебе предложить. Другого шанса не будет.

– Но кэцзюй...

– Но кэцзюй, – передразнила ее тетушка Фан. – Откуда ты этого набралась? Неужели думаешь, что поступишь в академию?

– Да, думаю. – Рин выпрямилась и попыталась придать словам уверенности. Успокойся. Ты можешь на нее надавить. – Вы мне разрешите. Потому что иначе власти могут спросить, откуда поступает опиум.

Тетушка Фан изучала ее долгую секунду.

– Жить надоело? – спросила она.

Рин знала, что это не простая угроза. Тетушка Фан предпочитала подчищать за собой следы. Рин уже видела, как она это делает. Всю жизнь Рин пыталась не вставать у тетушки на пути.

Но теперь пришло время бороться.

– Если я исчезну, учитель Фейрик расскажет властям, что со мной случилось, – сказала она. – И сыну вашему расскажет.

– Кесеги наплевать, – фыркнула тетушка Фан.

– Я воспитывала Кесеги. Он меня любит, – сказала Рин. – И вы его любите. И не хотите, чтобы он узнал, чем вы занимаетесь. Вот почему вы не посылаете его в лавку. Вот почему велите мне не выпускать его из комнаты, когда встречаетесь с контрабандистами.

Это решило дело. Тетушка Фан уставилась на нее с открытым ртом и раздувающимися ноздрями.

– Разрешите мне хотя бы попробовать, – взмолилась Рин. – От вас не убудет, если я стану учиться. Если я сдам экзамен, вы от меня избавитесь, а если провалю, у вас по-прежнему будет невеста.

Тетушка Фан схватила сковородку. Рин машинально напряглась, но тетушка Фан снова начала яростно надраивать сковородку.

– Если будешь заниматься в лавке, я тебя вышвырну, – заявила тетушка Фан. – Это не должно дойти до инспектора.

– Договорились, – солгала Рин сквозь зубы.

Тетушка Фан фыркнула:

– А что будет, если ты поступишь? Кто заплатит за обучение? Твой дорогой бедняк-учитель?

Рин задумалась. Она надеялась, что Фаны отдадут ей приданое в качестве денег на обучение, но теперь поняла, как глупо было на это рассчитывать.

– Обучение в Синегарде бесплатное, – заявила она.

Тетушка Фан громко рассмеялась:

– В Синегарде! Ты что, собралась сдавать экзамен в Синегард?

Рин вздернула подбородок.

– Да.

Военная академия в Синегарде была самым престижным учебным заведением в империи и готовила будущих генералов и государственных деятелей. В нее редко попадали выходцы с сельского юга, если вообще попадали.

– Да ты свихнулась, – снова фыркнула тетушка Фан. – Ладно, учись, если охота. Сдавай кэцзюй. Но если провалишься, то выйдешь замуж за инспектора. И с благодарностью.

Той ночью при украденной свече на полу тесной спальни, которую она делила с Кесеги, Рин открыла первую книгу для кэцзюй.

На кэцзюй экзаменовали по Четырём благородным предметам: истории, математике, логике и классической литературе. Имперская бюрократия в Синегарде считала эти предметы основополагающими для развития ученого и государственного мужа. Рин придется выучить их к шестнадцатому дню рождения.

Она составила плотное расписание: по две книги еженедельно, и каждый день менять предметы. Каждый вечер она закрывала лавку и бежала к учителю Фейрику, а оттуда возвращалась домой, нагруженная новыми книгами.

Историю было выучить легче всего. История Никана представляла собой крайне занимательную сагу из постоянных войн. Империя возникла тысячелетие назад благодаря могучему мечу безжалостного Красного императора, уничтожившего разбросанные по континенту монашеские сообщества и собравшего единое государство невиданного размера. Впервые жители Никана ощутили себя единым народом. Красный император создал единый никанский язык, единые меры весов и размеров и построил дороги, объединившие обширную территорию.

Правда, новорожденная Никанская империя не пережила императора. В последующий Период сражающихся царств его многочисленные наследники превратили страну в кровавое месиво и разделили Никан на двенадцать воюющих провинций.

С тех пор огромная страна много раз объединялась, покорялась, разделялась и снова объединялась. Никан воевал и с ханами Глухостепи, и с высокими чужаками с Запада из-за большого моря. И каждый раз Никан оказывался слишком огромным, чтобы иностранная оккупация продлилась долго.

Из всех завоевателей ближе всех к успеху оказалась Федерация Муген. Островная страна атаковала Никан в то время, когда внутренние распри между провинциями достигли пика. Потребовалось две Опиумных войны и пятьдесят лет кровавой оккупации, чтобы Никан отвоювал независимость.

Императрица Су Дацзы, последний член триумvirата, захватившего власть в государстве во время Второй опиумной войны, теперь правила двенадцатью провинциями, но так и не сумела добиться такого же единства, как Красный император.

История показала, что империю Никан невозможно покорить. Но страна оставалась нестабильной и раздробленной, а текущий мирный период вряд ли продлится долго.

Из истории своей страны Рин усвоила, что в Никане постоянны только войны.

Второй предмет, математика, оказался изнурительным. Не особо сложным, но утомительным и скучным. Кэцзюй ставил целью найти не математических гениев, а людей, способных заниматься государственными финансами и счетными книгами. Рин вела счетные книги Фанов с тех пор, как научилась считать. У нее был природный талант жонглировать в голове большими числами. Ей пришлось приноровиться к абстрактным тригонометрическим теоремам, которые, как она поняла, нужны для морских сражений, но позже Рин понравилась их четкость.

Третий предмет, логика, оказался для нее совершенно чуждым. На кэцзюй предлагались логические загадки. Рин попрактиковалась на пробных задачах. Первый вопрос гласил: «Ученый, путешествующий по наезженной дороге, миновал грушу. На дереве было так много плодов, что ветки сгибались под их тяжестью. Но он не собрал груши. Почему?»

Потому что это не груша, тут же решила Рин. Потому что дерево принадлежит тетушке Фан, и она разможит путешественнику голову лопатой. Но эти ответы не содержали ни морали, ни условий загадки. Ответ должен содержаться в самом вопросе. Должна быть какая-то ловушка, противоречие в условиях.

Рин долго размышляла, прежде чем ее осенило: если по дороге ездит много людей, то с фруктами что-то не так.

Чем больше она тренировалась, тем больше рассматривала вопросы как игру. И разгадывать их было очень интересно. Рин чертила в пыли диаграммы, изучала структуры силлогизмов и запоминала часто встречающиеся логические ловушки.

Самым трудным предметом оказалась классическая литература. Она была исключением из расписания – классиков Рин изучала каждый день.

В этой секции кэцзюй требовалось процитировать, проанализировать и сравнить тексты из списка двадцати семи книг, написанных не на современном языке, а на старониканском, печально знаменитом непредсказуемыми грамматическими конструкциями и сложным произношением. Книги содержали поэмы, философские трактаты и эссе по искусству управления государством авторства легендарных ученых Никана. Предполагалось, что они должны очертить мораль и характер будущего государственного деятеля. И все эти книги без исключения были безнадежно запутанными.

В отличие от логики и математики Рин так и не сумела понять классиков. Это требовало базовых знаний, которые большинство учеников накапливали с тех пор, как научились читать. За два года Рин предстояло освоить то, что другие учили пять полных лет.

И для этого она выработала необычную систему запоминания.

Бродя по старым стенам, окружающим Тикани, она читала книги задом наперед. Декламировала скороговоркой, перепрыгивая по сваям через озеро. Бормотала себе под нос в лавке, раздраженно огрызаясь, когда покупатели что-то просили. Она не разрешала себе заснуть, пока не повторит дневной урок без запинки. Она просыпалась, шепча классические тексты, и это пугало Кесеги, который решил, что она одержима призраками. В каком-то смысле так и было – Рин снилось, как давно умершие люди читают старинные поэмы, и она просыпалась в холодном поту, когда не могла их правильно вспомнить.

«Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно».

Рин отложила трактат Чжуан-цзы и нахмурилась. Она не только не имела понятия, о чем пишет Чжуан-цзы, но и не могла разобраться, зачем писать с таким раздражающим многословием.

Из прочитанного Рин понимала не много. Даже ученым с горы Юэлу непросто было понимать классиков, а Рин и подавно не стоило рассчитывать самостоятельно найти смысл в этих текстах. А поскольку времени, чтобы глубоко покопаться в этих книгах, у нее не было, и она не сумела придумать мнемоническую систему для запоминания, то пришлось просто зазубрить книги слово в слово в надежде, что этого хватит.

Она повсюду ходила с книгой. Училась за едой. А когда уставала, воображала картины самого страшного будущего.

Вот ты идешь по проходу в платье не по фигуре. Ты дрожишь. А в конце ждет он. Смотрит на тебя, как на сочную, откормленную свинью, кусок мраморного мяса, которое он купил. По его сухим губам текут слюни. Во время всей трапезы он не сводит с тебя взгляда. А когда она закончена, несет тебя в спальню. Толкает на простыни.

Она содрогнулась и зажмурилась. А когда открыла глаза, нашла нужное место на странице.

К пятнадцатому дню рождения в голове Рин содержался обширный запас древней никанской литературы, и большую часть она могла процитировать наизусть. Но по-прежнему совершала ошибки – пропускала слова, путала сложные грамматические конструкции и меняла порядок слов.

Она знала, что для экзамена в педагогическую или медицинскую академию этого вполне достаточно. Рин подозревала, что может даже поступить к ученым на горе Юэлу, где самые блестящие умы Никана создавали впечатляющую литературу и размышляли над загадками природы.

Но Рин не могла себе позволить эти академии. Ей нужно сдать экзамен в Синегард. Причем попасть в число лучших не только в своей деревне, но и в стране. А иначе два года учебы потрачены впустую.

Память должна быть идеальной.

Рин перестала спать.

Глаза покраснели и распухли. Голова гудела от бесконечной зубрежки. Однажды вечером, когда Рин зашла к учителю Фейрику за новыми книгами, она никак не могла сфокусировать взгляд. Уставилась куда-то мимо учителя. Его слова проплывали над головой, как облака, Рин едва осознавала его присутствие.

– Рин. Посмотри на меня.

Она резко выдохнула и усилием воли сфокусировала взгляд на неясной форме.

– Как у тебя дела? – спросил он.

– У меня не получится, – прошептала она. – Осталось только два месяца, я не успею. Все выскакивает из головы так же быстро, как и вливается в нее.

Ее дыхание участилось.

– Ох, Рин...

И тут из нее полились слова. Она говорила быстро, не задумываясь.

– А что будет, если я не пройду? Если в конце концов выйду замуж? Наверное, я его убью. Задушу во сне. Тогда я унаследую его состояние? Это нормально? – Она истерически засмеялась. По щекам катились слезы. – Это проще, чем травить его опиумом. Никто и не узнает.

Учитель Фейрик быстро встал и поставил перед ней стул.

– Сядь, дитя.

Рин задрожала.

– Я не могу. До завтра мне нужно закончить трактат Фу-цзы.

– Сядь, Рунин.

Она опустилась на стул.

Учитель Фейрик сел напротив и взял ее за руки.

– Я расскажу тебе историю, – сказал он. – Однажды, не так давно, жил один мальчик, выходец из бедной семьи. Он был слишком слаб для долгой работы в поле, и чтобы обеспечить родителей в старости, мог только получить государственную должность с щедрым жалованьем. Для этого он поступил в академию. На последние сбережения он купил учебники и зарегистрировался на кэцзюй. Он очень уставал, потому что целый день трудился в поле, а учился по ночам.

Глаза Рин закрылись. Плечи отяжелели, она подавила зевок.

Учитель Фейрик щелкнул перед ней пальцами.

– Тому мальчику нужно было найти способ, чтобы не заснуть. Он приколотил конец своей кочички к потолку, так что каждый раз, стоило ему клюнуть носом, как волосы на голове натягивались, и его пробуждала боль. – Учитель Фейрик дружелюбно улыбнулся. – Ты почти готова, Рин. Осталось еще чуть-чуть. Пожалуйста, не убивай своего мужа.

Но она уже не слушала.

– Боль заставила его сосредоточиться, – сказала она.

– Вообще-то, суть не в этом...

– Боль заставила его сосредоточиться, – повторила Рин.

Боль и ее заставит сосредоточиться.

И Рин поставила свечу рядом с книгами так, чтобы та капнула горячим воском на руку, если Рин уснет. Когда от боли глаза наполнялись слезами, Рин вытирала их и продолжала заниматься.

В день экзамена ее руки были покрыты шрамами от ожогов.

Позже учитель Фейрик спросил ее, как прошел экзамен. Она не могла рассказать. Через несколько дней Рин уже не помнила те кошмарные, выматывающие часы. В памяти образовался провал. Она пыталась вспомнить, как отвечала на тот или иной вопрос, но мозг сжимался и не позволял оживить воспоминания.

Да она и не хотела их оживлять. Ей не хотелось к этому возвращаться.

Все семь дней, пока не объявили результаты. Все экзаменационные листы в провинции проверили дважды и трижды.

Для Рин эти дни были невыносимыми. Она почти не спала. Два предыдущих года она заполняла дни неистовой учебой. А теперь ей стало нечем заняться – будущее выскользвало из рук, и от этого понимания она чувствовала себя еще хуже.

Своим нетерпением она всех выводила из себя. Совершала ошибки в лавке. Устроила неразбериху на складе. Огрызалась на Кесеги и ругалась с Фанами чаще, чем следовало.

Она не раз подумывала украсть еще одну порцию опиума и выкурить его. Рин слышала, что некоторые женщины деревни кончали с собой, проглатывая сразу всю порцию. И темными ночами она подумывала и об этом.

Все вокруг происходило в замедленном темпе. Рин двигалась машинально, словно по воле ветра, вся ее жизнь зависела от единственной оценки.

Она размышляла, не составить ли план побега на всякий случай, если все-таки не сдаст экзамен. Но мозг отказывался об этом думать. Она просто не могла думать о жизни после кэцзюй, потому что и не было никакой жизни после кэцзюй.

Рин пришла в такое отчаяние, что впервые в жизни начала молиться.

Фаны были далеки от религии. Они изредка посещали деревенский храм, главным образом, чтобы передать пакетики с опиумом перед золотым алтарем.

И в пренебрежении к религии они были не одиноки. Когда-то монастыри имели даже большее влияние на страну, чем сейчас наместники, но потом по континенту прошел Красный император в славном стремлении к объединению, оставив после себя лишь перерезанных монахов и пустые храмы.

Монастыри исчезли, но остались многочисленные боги, представляющие все аспекты жизни – от любви и войны до таких бытовых забот, как кухня и домашнее хозяйство. Кое-где эти традиции еще хранились преданными почитателями, вынужденными скрываться, но для большинства жителей Тикани посещение храмов превратилось в привычку. Никто на самом деле не верил – по крайней мере, никто в этом не признавался. Боги для никанцев были реликтами прошлого из мифов и легенд, не больше.

Но Рин решила использовать все возможности. Однажды она выбралась из лавки пораньше и преподнесла Четырем богам дары из булочек и жареного корня лотоса.

В храме стояла тишина. В полдень Рин оказалась в нем в одиночестве. Четыре статуи безмолвно взирали на нее крашеными глазами. Рин задумалась. Она точно не знала, которой нужно молиться.

Конечно, она знала их имена – Белый тигр, Черная черепаха, Лазоревый дракон и Багряная птица. А еще знала, что они представляют четыре части света, но составляют лишь малую

часть обширного пантеона богов, которым поклоняются в Никане. В храме также имелись алтари менее значительных богов-хранителей, свитки с их изображениями висели на стенах.

Так много богов. Какой из них отвечает за оценки на экзаменах? Какой бог покровительствует незамужним продавщицам, желающим изменить свою судьбу?

Она решила помолиться сразу всем.

– Если вы существуете, если вы там, помогите мне. Помогите выбраться из этой дыры. А если не сумеете, то хотя бы устройте инспектору сердечный приступ.

Она оглядела пустой храм. Что дальше? Рин всегда воображала, что при молитве недостаточно просто сказать что-то вслух. Она заметила у алтаря несколько неиспользованных палочек с благовониями. Зажгла одну, окунув в лампаду, и помахала ей в воздухе.

Может, так дым улетит к богам? Или она сама должна вдохнуть благовония? Рин как раз поднесла горящий конец к носу, и тут из-за алтаря появился хранитель.

Они уставились друг на друга.

Рин медленно отодвинула палочку от носа.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я молюсь.

– Пожалуйста, уходи, – сказал хранитель.

Результаты экзаменов должны были вывесить в полдень перед экзаменационным залом.

Рин рано закрыла лавку и за полчаса до этого события пошла в город с учителем Фейриком. У столба уже собралась толпа, они нашли тенистый уголок в сотне метров от столба и стали ждать.

Собралось так много людей, что Рин не могла разглядеть, как вывешивают списки, но поняла это, потому что поднялся крик и толпа бросилась вперед, неся с собой и Рин с учителем Фейриком.

Сердце Рин колотилось так быстро, что она едва могла дышать. Она не видела ничего, кроме людских спин. Казалось, ее вот-вот стошнит.

Когда они наконец-то пробились вперед, Рин долго не могла найти свое имя. Она изучила нижнюю половину списка, едва осмеливаясь дышать. Уж конечно, она не могла попасть в первую десятку.

Но нигде не видела Фан Рунин.

И лишь взглянув на учителя Фейрика и заметив его слезы, она поняла, что случилось.

Ее имя стояло самым первым. Она не просто вошла в первую десятку. Она стала лучшей во всей деревне. Во всей провинции.

Она подкупила учителя. Украла опиум. Жгла себе кожу, лгала приемным родителям, забросила обязанности в лавке и нарушила брачные обязательства.

И теперь отправится в Синегард.

Глава 2

В последний раз, когда студент из Тикани поехал в Синегард, городской глава устроил трехдневный фестиваль. Слуги носили по улицам корзины с фасолевыми кексами и кувшины с рисовым вином. Ученик, племянник городского главы, отбыл в столицу под приветственные крики пьяных крестьян.

В этом году знать Тикани была выбита из колеи тем, что только сирота из лавки получила место в Синегарде. В экзаменационный центр послали несколько анонимных запросов. Когда Рин вошла в здание городской управы, чтобы зарегистрироваться, надзиратели битый час пытались выудить у нее признание в обмане.

– Вы правы, – сказала она. – Я получила ответы от администратора экзамена. Обольстила его своим соблазнительным юным телом. Вы меня поймали.

Надзиратели не могли поверить, что девочка, официально не посещавшая школу, могла сдать кэцзюй.

Она показала шрамы от ожогов.

– Мне нечего вам сказать, потому что я никого не обманула. И у вас нет доказательств обратного. Я готовилась к экзамену. Истязала себя. Читала до рези в глазах. Вы меня не запугаете, я не признаюсь, потому что говорю правду.

– Подумай о последствиях, – рявкнула надзирательница. – Ты понимаешь, насколько они серьезны? Мы можем аннулировать твою оценку и отправить тебя в тюрьму. Ты умрешь, прежде чем сумеешь выплатить все штрафы. Но если признаешься, мы спустим дело на тормозах.

– Нет, это вы подумайте о последствиях, – огрызнулась Рин. – Если вы аннулируете мои оценки, это значит, что простая продавщица достаточно умна, чтобы обойти ваши знаменитые препоны для списывания. То есть вы не выполнили свою работу. Уверена, городской глава будет счастлив возложить вину на вас, вне зависимости от того, был ли обман на самом деле или нет.

Неделю спустя с нее сняли все обвинения. Городской глава официально объявил, что произошла ошибка. Он не назвал Рин обманщицей, но и не признал ее оценку. Надзиратель велел Рин уехать тайно, угрожая в противном случае задержать ее в Тикани.

Рин знала, что он блефует. Поступление в академию Синегарда равнозначно получению вызова от императорского двора, и если власти провинции будут чинить Рин препятствия, их обвинят в государственной измене. Вот почему и Фаны не мешали ей уехать, как бы им ни хотелось выдать ее замуж.

Рин не нуждалась в подтверждении оценки в Тикани – ни от главы города, ни от знатных семейств. Она уезжала, она нашла выход, и только это имело значение.

Формы были заполнены, письма отправлены. Рин надлежало приехать в Синегард в начале следующего месяца.

Прощание с Фанами по понятным причинам было коротким. Никто не притворялся, что будет тосковать.

Лишь Кесеги, сводный брат Рин, по-настоящему расстроился.

– Не уезжай, – хныкал он, цепляясь за ее походный плащ.

Рин присела и крепко обняла Кесеги.

– Я бы все равно тебя покинула, – сказала она. – Если бы не уехала в Синегард, то перелетела бы в дом мужа.

Кесеги не хотел ее отпускать. Он что-то жалобно мямлил.

– Не оставляй меня с ней.

У Рин сжалось сердце.

- У тебя все будет хорошо, – прошептала она ему на ухо. – Ты же мальчик. И ее сын.
- Но так нечестно.
- Такова жизнь, Кесеги.

Кесеги захныкал, но Рин высвободилась из его тисков и встала. Он обхватил ее за талию, но Рин оттолкнула его – сильнее, чем намеревалась. Кесеги качнулся, а потом громко заплакал.

Рин отвернулась от залитого слезами лица и сделала вид, что завязывает дорожную сумку.

- Ох, да заткнись ты.

Тетушка Фан схватила Кесеги за ухо и дергала, пока плач не прекратился. Она сердито взглянула на Рин, стоящую в дверях в простой дорожной одежде. Близилось к концу лето, и Рин надела легкую хлопковую рубашу и изношенные сандалии. В потрепанной сумке через плечо она несла единственную смену одежды. Туда же Рин сунула и томик Мэн-цзы, набор кистей для письма (подарок учителя Фейрика) и кошелек. В этой сумке лежало все ее имущество.

Тетушка Фан скривила губы.

- В Синегарде тебя живьем сожрут.
- Я рискну, – отозвалась Рин.

К облегчению Рин, городская управа выдала ей два ляна на проезд – глава города был вынужден подчиниться требованию императорского двора и покрыть расходы. За полтора ляна Рин и учитель Фейрик купили два места в караване, идущем на север, в столицу.

– Во времена Красного императора невеста вместе с приданным могла путешествовать без сопровождения от самого южного края провинции Петух до самого северного уголка гор Удан, – не мог удержаться от лекции учитель Фейрик, когда они садились в повозку. – А в наши дни даже одинокий солдат не пройдет и двух миль.

Уже давно гвардия Красного императора не патрулировала горы Никана. Одинокого путника на многочисленных дорогах империи могли ограбить, убить или даже съесть. Иногда и то, и другое, и третье. И необязательно в таком порядке.

– Вы платите не просто за место в повозке, – сказал предводитель каравана, сунув монеты в карман. – Это плата за охрану. Наши люди – лучшие в своем деле. Если наткнемся на «Оперу», они сами нас испугаются.

«Опера красной джонки» была религиозной группой, состоящей из бандитов и отщепенцев, которые после Второй опиумной войны покушались на жизнь императрицы. Теперь они остались только в легендах, но еще царили в воображении жителей Никана.

– «Опера»? – Учитель Фейрик рассеянно потерял бороду. – Я уже много лет о них не слышал. Они еще существуют?

– В последние лет десять притихли, но говорят, их видели у гряды Кухонин. Если повезет, мы о них не услышим. – Предводитель каравана поправил пояс. – Пойду погрузу ваши вещи. Хочу отправиться в путь до жары.

Караван провел в пути три недели, раздражающе медленно пробираясь на север. Учитель Фейрик всю дорогу скармливал Рин истории о своих приключениях в Синегарде много лет назад, но потрясающие воображение описания города лишь подстегивали ее нетерпение.

– Столица стоит у подножия гор Удан. Дворец и академия построены на склоне, но остальной город лежит в долине внизу. Порой в туманный день, когда стоишь на гребне, кажется, будто ты забрался выше облаков. Один лишь столичный рынок больше всего города Тикани. Там легко можно заблудиться. Ты увидишь там музыкантов, играющих на тыквенных трубах, уличных торговцев, которые могут поджарить блин в виде твоего имени, каллиграфов, за два медяка нарисующих опало прямо у тебя на глазах. Кстати, о деньгах. Нужно где-то их поменять.

Учитель Фейрик похлопал по карману, где хранил остаток денег на проезд.

- А разве на севере не принимают ляны и медяки? – спросила Рин.

Учитель Фейрик хмыкнул:

– Ты ведь никогда не покидала Тикани, верно? В империи в ходу, наверное, двадцать разных монет – черепаший панцири, ракушки-каури, золото, серебро, медь... У каждой провинции свои деньги, потому что они не доверяют имперской бюрократии с поставками монет, а у самых крупных провинций – по два-три вида денег. В качестве стандарта везде принимают только серебряные монеты Синегарда.

– И сколько мы получим взамен на эти? – спросила Рин.

– Немного. Но чем ближе подъедем к городу, тем хуже будет обменный курс. Лучше сделать это еще в провинции Петух.

Учитель Фейрик не уставал предупреждать Рин об опасностях столицы:

– Всегда держи деньги в переднем кармане. Воры в Синегарде отчаянные и дерзкие. Однажды я схватил ребенка, когда он запустил руку мне в карман. И даже после этого он дрался за мою монету. Все попытаются тебе что-нибудь продать. Услышав стряпчего-зазывалу, смотри вперед и делай вид, что не слышала, иначе он будет преследовать тебя целый день. Им за это платят. Держись подальше от винных лавок. Если кто-то будет предлагать тебе кувшин вина из сорго меньше чем за одну монету, это поддельный напиток.

– Как можно подделать спиртное? – поразила Рин.

– Смешать сорговое вино с метанолом.

– С метанолом?

– Древесным спиртом. Он ядовит, от большого количества ты ослепнешь. – Учитель Фейрик погладил бороду. – И держись подальше от уличных торговцев соевым соусом. Некоторые вместо кислоты добавляют в него человеческие волосы, чтобы обошелся дешевле. Я слышал, что волосы находят и в хлебе, и в лапше. Хм... в общем, лучше вообще не притрагиваться к уличной еде. Тебе продадут блинчики на завтрак по медяку за штуку, но жарят их в масле из сточной канавы.

– Из сточной канавы?

– Это масло собирают прямо на улице. Большие рестораны сливают остатки в канаву. Уличные продавцы процеживают его и используют.

Рин замутило.

Учитель Фейрик дернул Рин за одну из крепких кос.

– Лучше отрежь их, прежде чем доберешься до академии.

Рин отдернула косы.

– Женщины в Синегарде не отращивают волосы?

– Женщины в Синегарде так лелеют свои волосы, что пьют сырые яйца для сохранения блеска волос. Дело не в эстетике. Не хочу, чтобы тебя затащили за косы в переулочек. Тогда никто о тебе не услышит, пока через несколько месяцев ты не очутишься в борделе.

Рин с тоской посмотрела на косы. Она была слишком смуглой и костлявой, чтобы считаться красивой, но всегда считала длинные и густые волосы своим лучшим достоянием.

– Это обязательно?

– В академии тебя наверняка все равно заставят постричься, – сказал учитель Фейрик. – Да еще возьмут за это плату. А цирюльники в Синегарде недешевы. – Он погладил бороду, обдумывая дальнейшие предостережения. – И смотри не нарвись на фальшивые деньги. Серебряная монета – не настоящая имперская, если десять раз подряд не упадет на сторону с Красным императором. Если увидишь, что кто-то лежит на улице, но никаких ран не заметно, не помогай ему. Тебе скажут, что это ты его толкнула, отволокут в суд и наложат такой штраф, что сдерут последнюю рубаху. И держись подальше от игорных домов. – Голос учителя Фейрика погрустнел. – С игроками нужно держать ухо востро.

Рин начала понимать, отчего он покинул Синегард.

Но никакие слова учителя Фейрика не могли погасить ее предвкушение. Даже наоборот, ей еще больше хотелось побыстрее приехать. Она не станет чужой в Синегарде. Не будет питаться на улицах или жить в городских трущобах. Ей не придется драться за объедки или побираться. Она уже добилась определенного положения. Ученица самой престижной академии во всей империи. Уж, конечно, это оградит от опасностей города.

Тем же вечером Рин отрезала косы ржавым ножом, одолженным у охранника каравана. Она чиркнула лезвием поближе к уху, насколько осмелилась, и резала туда-сюда, пока коса не свалилась. Это заняло больше времени, чем рассчитывала Рин. Закончив, она устала на два толстых каната волос, лежащие на коленях.

Она подумывала их сохранить, но потом решила, что для этого нет причин. Это просто мертвые волосы. На севере их и не продашь – Синегард славился тонкими и шелковистыми волосами, там не нужны грубые космы крестьянки из Тикани. Рин вышвырнула их из повозки на пыльную дорогу.

Караван прибыл в столицу, когда Рин уже начала сходить с ума от скуки.

Она заметила знаменитые Восточные ворота Синегарда за несколько миль – грандиозная серая стена, увенчанная трехъярусной пагодой и надписью в честь Красного императора. «Вечная сила, вечная гармония».

Какая ирония, подумалось Рин, ведь страна чаще воевала, чем пребывала в мире.

Приблизившись к круглым дверям, караван резко остановился.

Рин ждала. Ничего не происходило.

Прошло еще двадцать минут, учитель Фейрик высунулся из фургона и поманил провожатого.

– В чем дело?

– Впереди мугенцы, – объяснил тот. – Какой-то пограничный спор. В воротах их заставили отдать на проверку оружие. Это займет еще несколько минут.

Рин выпрямилась.

– Это солдаты Федерации?

Она никогда не видела мугенских солдат – в конце Второй опиумной войны всех мугенцев выгнали из оккупированных областей и отправили обратно на родину, остались лишь несколько дипломатов и купцов. Для никанцев, родившихся после оккупации, они были призраками из современной истории – всегда маячат где-то у границ, вечная угроза с незнакомым лицом.

Учитель Фейрик схватил ее за руку, прежде чем Рин успела выскочить из повозки.

– А ну, вернись!

– Но я хочу посмотреть!

– Нет, не хочешь. – Он схватил ее за плечи. – Ты не хочешь смотреть на мугенских солдат. Если ты их разозлишь, если они вдруг решат, что ты над ними смеешься, они тебя побьют. У них дипломатический иммунитет. Они плевать на тебя хотели. Ясно?

– Но мы победили в войне, – насупилась Рин. – Оккупация закончилась.

– Победили, но с трудом. – Учитель толкнул ее обратно на место. – И твои наставники в Синегарде думают только о том, как победить в следующей.

Кто-то во главе каравана выкрикнул приказ. Последовал толчок, и повозки снова двинулись. Рин перегнулась через борт, пытаясь рассмотреть, что происходит впереди, но увидела лишь, как за тяжелыми воротами мелькнули синие мундиры.

И наконец они оказались у ворот.

Центральный рынок бросал вызов сразу всем чувствам. Рин никогда не видела столько людей и вещей в одном месте одновременно. Ее оглушил гул покупателей, сбивающих цену,

ослепили яркие и цветастые рулоны шелка, разложенные на больших лотках, душила вонь дурианов и зерен перца, витающая над складными жаровнями.

– У женщин такая белая кожа, – поразилась Рин. – Как у девушек на стенной росписи.

По мере того как караван продвигался на север, кожа у людей становилась все светлее. Рин знала, что в северных провинциях много промышленников и торговцев. Это зажиточные и благородные люди, они не работают в полях, как крестьяне Тикани. Но она не ожидала, что разница будет такой заметной.

– Они бледны, как трупы, – махнул рукой учитель Фейрик. – И боятся солнца.

Он раздраженно фыркнул, когда мимо прошли две женщины, случайно ткнув зонтиками ему в лицо.

Рин быстро поняла, что Синегард обладает уникальной способностью заставлять вновь прибывших чувствовать себя незваными гостями.

Учитель Фейрик был прав – все в Синегарде хотели денег. Продавцы окликали их со всех сторон. Не успела Рин вылезти из повозки, как к ним подбежал носильщик и предложил отнести багаж – две жалкие, тощие сумки – за восемь имперских серебряных монет.

Рин была ошарашена – это составляло почти четверть платы за место в караване.

– Я сама понесу, – пробормотала она, вырвав сумку из загребущих рук носильщика. – Правда, не нужно... Отпусти!

Они отделались от носильщика, но тут же попали в лапы толпы – каждый предлагал какие-нибудь пустячные услуги.

– Рикша? Вам нужен рикша?

– Девочка, ты заблудилась?

– Нет, мы просто хотим найти школу...

– Я вас отвезу, очень дешево, всего пять монет...

– Проваливайте, – рявкнул учитель Фейрик. – Нам не нужны ваши услуги.

Торговцы отпрянули обратно на рынок.

Даже язык столицы доставлял неприятности. Синегардцы говорили с хрипотцой, резко и быстро, вне зависимости от предмета разговора. Учитель Фейрик спросил трех прохожих, как пройти к академии, прежде чем наконец-то получил ответ, который они поняли.

– А вы разве здесь не жили? – удивилась Рин.

– Не жил со времен оккупации, – проворчал учитель Фейрик. – Легко позабыть язык, на котором не говоришь.

С этим Рин согласилась. Для нее местный диалект остался почти совершенно непонятным – каждое слово как будто обрезали и в конце добавили короткое «р». В Тикани речь текла плавно и медленно. Южане тянули звуки, перекатывали слова на языках, как сладкий рисовый отвар. В Синегарде никто как будто не трудился заканчивать слова.

Да и ориентироваться в городе было не проще, чем разобраться с диалектом. Синегард был старейшим городом в стране, на его архитектуре отразились многочисленные смены династий Никана за многие века. Здания были как современными, так и пришедшими в запустение, символы давно потерявших власть режимов. В восточных районах высились спиральные башни прежних захватчиков из Глухостепи с севера. На западе теснились скученные кварталы, оставшиеся от оккупантов из Мугена времен Опиумных войн. Город олицетворял живописное полотно страны со множеством правителей.

– Вы знаете, куда мы идем? – спросила Рин, после того как они несколько минут взбирались в гору.

– Смутно. – Учитель Фейрик обильно потел. – С тех пор как я здесь был, район превратился в лабиринт. Сколько у нас осталось денег?

Рин вытащила кошелек и посчитала монеты.

– Полторы нитки серебра.

– Этого более чем достаточно. – Учитель Фейрик утер лоб плащом. – Почему бы нам не проехаться?

Он шагнул на пыльную улицу и поднял руку. Почти тут же с дороги свернул рикша и остановился перед ними.

– Куда вам? – выдохнул бегун.

– В академию, – сказал учитель Фейрик.

Он бросил сумки назад и забрался на сиденье. Рин уже схватилась за бортик и собиралась забраться внутрь, как вдруг услышала за спиной резкий крик. Она вздрогнула и обернулась.

Посреди дороги растянулся малыш. В нескольких шагах впереди вильнул запряженный лошадьми экипаж.

– Вы задели ребенка! – крикнула Рин. – Эй, остановитесь!

Возница натянул поводья. Повозка закрипела и остановилась. Пассажир высунулся наружу и увидел посреди улицы едва шевелящегося ребенка.

К счастью, ребенок поднялся. С его лба тонкими струйками стекала кровь. Он дотронулся двумя пальцами до головы и потупился, явно оглушенный.

Пассажир подался вперед и отдал вознице резкий приказ, который Рин не разобрала.

Повозка медленно развернулась. На одно мгновение Рин решила, что возница собирается подвезти малыша. А потом услышала щелканье кнута.

Ребенок качнулся и попытался убежать.

Рин завизжала, заглушив топот копыт.

Учитель Фейрик наклонился к разинувшему рот вознице и похлопал его по плечу.

– Поехали!

Рикша побежал, унося их все дальше по ухабистым улицам, пока вопли зевак не стихли далеко позади.

– Возница умен, – заметил учитель Фейрик, когда они тряслись по неровной дороге. – Если ты покалечишь ребенка, то придется платить за его увечья всю жизнь. Но если убьешь, то оплатишь лишь похороны. Да и то, если поймают. Если ты кого-нибудь собьешь, уж лучше до смерти.

Рин вцепилась в бортик и едва сдерживала подступающую рвоту.

Синегард душил ее, смущал и пугал.

Но академия Синегарда оказалась невообразимо прекрасной.

Рикша высадил их у подножия гор на краю города. Рин предоставила учителю Фейрику нести багаж, а сама бросилась к воротам школы, сбив дыхание.

Она неделями представляла, как поднимется по лестнице к академии. Вся страна знала, как выглядит академия Синегарда, по всему Никану на стенах висели свитки с ее изображением.

Но рисунки и близко не передавали реальности. Каменная тропа вилась вокруг горы, поднимаясь по спирали к комплексу построенных на террасах пагод. На самом верху стояла башня храма, а на ней восседал каменный дракон – символ Красного императора. Позади, словно рулон шелка, струился сверкающий водопад.

Академия напоминала дворец богов. Легендарное место. И на следующие пять лет она станет домом для Рин.

Рин онемела.

Ученик старшей ступени, представившийся как Тоби, устроил Рин и учителю Фейрику экскурсию по территории. Тоби был высок, налысо выбрит и одет в черную рубаху с красной нарукавной повязкой. Скучающая ухмылка показывала, что он предпочел бы заняться чем-нибудь другим.

К ним присоединилась стройная привлекательная женщина, которая поначалу приняла учителя Фейрика за носильщика, а потом безо всякого смущения извинилась. Ее сына можно было бы назвать красавцем, если бы не заносчивое выражение лица.

– Академию построили на месте старого монастыря. – Тоби жестом пригласил их подняться по каменным ступеням на первую террасу. – Когда Красный император объединил племена Никана, храмы и молитвенные помещения превратили в классы. Ученики первого года занимаются уборкой, так что ты вскоре хорошо познакомишься с территорией. Идемте, и постарайтесь не отставать.

Даже отсутствие у Тоби энтузиазма не помешало Рин заметить красоту академии, хотя Тоби всячески этому препятствовал. Он преодолевал каменные ступени быстро и уверенно и не трудился проверить, поспевают ли за ним гости. Рин пришлось задержаться, чтобы помочь запыхавшемуся учителю Фейрику забраться по угрожающе узкой лестнице.

Академия стояла на семи террасах. С каждым новым поворотом каменной тропы открывался все более четкий вид на комплекс новых зданий и тренировочных площадок, обрамленных пышной зеленью, за которой явно тщательно ухаживали уже несколько веков. По склону струился ручеек, разрезающий территорию ровно пополам.

– Вот там – библиотека. Столовая – туда. Новые ученики живут на нижнем ярусе. Наверху – дома наставников.

Тоби быстро махнул на несколько одинаковых каменных домов.

– А это что? – спросила Рин, указывая на солидное здание у ручья.

Тоби расплылся в улыбке:

– Это уборная, малыш.

Он хихикнул. У Рин вспыхнули щеки, и она сделала вид, что увлечена пейзажем, открывающимся с террасы.

– Кстати, ты откуда? – поинтересовался Тоби не особенно дружелюбным тоном.

– Из провинции Петух, – пробормотала Рин.

– А-а-а... С юга. – Теперь Тоби как будто начал прозревать. – Видимо, многоэтажные здания тебе в новинку, но постарайся не слишком пялиться.

После того как регистрационные документы Рин проверили и заполнили, у учителя Фейрика больше не было причин задерживаться. Они попрощались за воротами школы.

– Я понимаю твой страх, – сказал учитель.

Рин сглотнула комок в горле и стиснула зубы. В голове у нее гудело, и Рин знала, что из глаз вот-вот хлынет поток слез, если их не сдерживать.

– Я не боюсь, – возразила она.

Учитель мягко улыбнулся:

– Конечно не боишься.

Лицо Рин перекосилось, и она бросилась обнимать учителя. Зарыла лицо в его рубаху, чтобы никто не увидел ее слез. Учитель Фейрик похлопал ее по плечу.

Рин проделала весь этот путь через всю страну, в то место, о котором мечтала годами, но обнаружила только враждебный, непонятный город, где презирают южан. У нее не было дома ни в Тикани, ни в Синегарде. Куда бы она ни поехала, куда бы ни сбежала, она везде была сиротой войны, ей нигде не было места.

Она чувствовала себя чудовищно одинокой.

– Не хочу, чтобы вы уезжали, – сказала она.

Улыбка учителя Фейрика потухла.

– Ох, Рин.

– Ненавижу это место, – вдруг выплеснулось из Рин. – Ненавижу этот город. Как они разговаривают... И этот тупой кадет... Похоже, они просто не хотят меня здесь видеть.

– Конечно не хотят, – сказал учитель Фейрик. – Ты же сирота войны. Южанка. Ты не должна была сдать кэцзюй. Наместники заявляют, что благодаря кэцзюй наверх могут пробиться одаренные, но система устроена так, чтобы бедняки оставались неграмотными и знали свое место. Одним своим присутствием ты наносишь им оскорбление.

Он схватил Рин за плечи и слегка наклонился, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Послушай, Рин. Синегард – жестокий город. Академия – еще хуже. Ты будешь учиться вместе с детьми наместников. С детьми, которых начали обучать военному искусству, прежде чем они научились ходить. Ты здесь чужая, потому что не такая, как они. Но ничего страшного. Не позволяй этому сбивать тебя с толку. Что бы они ни говорили, ты заслуживаешь учиться здесь. Понимаешь?

Она кивнула.

– Первый день учебы будет как удар под дых, – продолжил учитель Фейрик. – Второй день, возможно, даже хуже. Предметы будут даваться тебе тяжелее, чем подготовка к кэцзюй. Но если кто и может здесь выстоять, так это ты. Не забывай, на что ты пошла ради поступления.

Он выпрямился.

– И никогда не возвращайся на юг. Ты достойна большего.

Когда учитель Фейрик скрылся за поворотом тропы, Рин потеряла переносицу, чтобы избавиться от желания расплакаться. Она не позволит новым одноклассникам видеть ее слезы.

Она была одна в этом городе, без друзей, едва говорила на местном языке и не была уверена, что хочет здесь учиться.

Он ведет тебя по проходу. Он старый, жирный и воняет потом. Он смотрит на тебя и облизывает губы...

Она поежилась, зажмурилась и снова открыла глаза.

Да, Синегард пугающий и чужой. Это не имеет значения. Ей больше некуда идти.

Рин расправила плечи и пошла обратно в ворота школы.

Все наладится. Как бы то ни было, здесь в тысячу раз лучше, чем в Тикани.

– А потом она показала на уборную и спросила, не класс ли это, – донесся до нее голос со стороны очереди на регистрацию. – Ты бы только видел ее одежду.

По шее Рин пробежали мурашки. Это был тот парень, которого они встретили во время осмотра академии.

Она повернулась.

Он и правда был красив, даже слишком – большие миндалевидные глаза и скульптурно очерченные губы, которые выглядели прекрасно, даже когда изгибались в ухмылке. Его кожа напоминала белый фарфор, любая женщина в Синегарде убила бы за такую, а шелковистые волосы были почти такой же длины, как когда-то у Рин.

Он поймал ее взгляд и усмехнулся, продолжая так же громко, словно ее не заметил:

– А ее учитель! Похож на развалюху, из тех, кто не может получить в городе работу и кланчит всякую мелочь у городской управы. Я решил, что он может очочуриться по пути в гору, уж больно громко причитал.

За многие годы Рин привыкла к оскорблениям от Фанов. Услышав их из уст мальчишки, она не слишком расстроилась. Но унижать учителя Фейрика, который привез ее из Тикани, спас от жалкого будущего вынужденного брака... Это непростительно.

Рин шагнула к мальчишке и ударила его в лицо.

Кулак вошел в глазницу с приятным шлепком. Парень качнулся на студентов за своей спиной и чуть не рухнул.

– Мерзавка! – завопил он, восстановил равновесие и бросился на нее.

Рин отпрянула, подняв кулаки.

– Хватит!

За их спинами появился кадет в темной рубаше, взмахнув руками, чтобы их разнять. Но парень все равно ринулся вперед, и тогда кадет схватил его за руку и вывернул ее за спину.

Парень пошатнулся и замер.

– Ты что, не знаешь правил? – спросил кадет тихим и спокойным голосом. – Никаких драк.

Парень не ответил, лишь кисло ухмыльнулся. Рин снова захотелось разреветься.

– Имена? – потребовал кадет.

– Фан Рунин, – в ужасе проговорила она.

У них неприятности? Их исключат?

Парень тщетно пытался вырваться из хватки кадета.

Тот сжал его крепче.

– Имя? – повторил он.

– Инь Нэчжа, – выплюнул мальчишка.

– Инь? – Кадет отпустил его. – И с чего вдруг воспитанный наследник благородного дома

Инь затеял драку в коридоре?

– Она ударила меня по лицу! – завопил Нэчжа.

Вокруг его левого глаза уже расцветал отвратительный фингал, яркое багровое пятно на фарфоровой коже.

Кадет поднял бровь и посмотрел на Рин.

– И почему ты это сделала?

– Он оскорбил моего учителя.

– Да? Что ж, это меняет дело. – Кадет явно развеселился. – Разве тебе не говорили, что учителей оскорблять нельзя? Это табу.

– Я убью тебя, – огрызнулся Нэчжа на Рин. – Убью, гадина.

– Ну и славно. – Кадет сделал вид, что зевает. – Вы же в военной академии. В этом году у вас будет куча возможностей убить друг друга. Но подождите до распределения по специальностям, хорошо?

Глава 3

Рин и Нэчжа последними остались в главном зале, переделанном из храма на третьем ярусе. Хотя зал был не особо велик, тускло освещенное убранство создавало иллюзию простора, а люди внутри казались меньше. Рин решила, что так и должен чувствовать себя человек в присутствии богов и наставников.

Первый курс, всего пятьдесят студентов, сидел на коленях, по десять человек в ряду. Сложив руки на коленях, щурилась и осматриваясь в тревожном предвкушении. Вокруг них сидели старшекурсники, непринужденно болтая. Смех звучал громче обычного, как будто они специально хотели вызвать неловкость у первогодков.

Через несколько секунд после того как Рин села, распахнулась дверь и появилась миниатюрная женщина, ниже самого мелкого первокурсника. Она двигалась по залу поступью воина – с прямой спиной, четко и уверенно.

За ней шли пять мужчин и одна женщина в темно-коричневых рубахах. Они встали в ряд за ее спиной и перед учениками, спрятав руки в длинных рукавах. Кадеты умолкли и встали, сложив ладони перед собой и опустив головы в легком поклоне. Рин и остальные первокурсники быстро последовали их примеру.

Женщина оглядела их и жестом велела сесть.

– Добро пожаловать в Синегард. Меня зовут Цзима Лайн. Я главный наставник этой школы, командир синегардских резервистов и бывший командующий императорским ополчением Никана.

Четкий и ледяной голос Цзимы прорезал воздух, как клинок.

– Это наставники Синегарда, – представила Цзима стоящую за своей спиной шестерку. – Они будут учить вас в течение первого года, а в его конце по итогам финальных испытаний решат, кто станет кадетом.

Наставники выглядели торжественно, один серьезнее другого. Никто не улыбался. Каждый носил пояс своего цвета – красный, синий, фиолетовый, зеленый и оранжевый.

Кроме одного. Мужчина слева от Цзимы был без пояса. Его рубаха тоже отличалась – без вышивки по краю, без эмблемы Красного императора справа на груди. Он был одет так, словно впопыхах натянул бесформенное коричневое одеяние.

Волосы этого наставника были совершенно седыми, как борода учителя Фейрика, но он был совсем не так стар. Лицо без морщин, но и не молодое, трудно определить возраст. Во время речи Цзимы он поковырялся мизинцем в ухе, поднес палец к глазам и осмотрел его.

Потом резко поднял голову, перехватил взгляд Рин и усмехнулся.

Она поспешно отвернулась.

– Все вы здесь, потому что получили наивысший в стране балл на кэцзюй, – сказала Цзима, великодушно раскинув руки. – Ради чести учиться здесь вы превзошли тысячи других претендентов. Мои поздравления.

Первогодки смущенно переглядывались, не зная, следует ли им себе поаплодировать. Раздались несколько несмелых хлопков.

Цзима улыбнулась:

– В следующем году пятую часть из вас отчислят.

Тишина стала пронзительной.

– У Синегарда нет ни времени, ни ресурсов, чтобы обучать любого, кто грезит о боевой славе. Солдатами могут стать даже неграмотные крестьяне. Но мы не воспитываем солдат. Мы воспитываем генералов. Людей, в чьих руках будущее империи. И потому, когда я решу, что кто-то из вас не стоит нашего времени, его попросят нас покинуть. Обратите внимание, что вам не дадут возможности выбирать предметы. Мы считаем, что подобный выбор не следует

доверять студентам. После первого года вы получите оценки по всем предметам: Боевое искусство, Стратегия, История, Оружейное дело, Лингвистика и Медицина.

– И Наследие, – вмешался седой наставник.

У Цзимы дернулся левый глаз.

– И Наследие. Если после Испытаний в конце года вас признают пригодными по одному из этих предметов, вы продолжите обучение в Синегарде. И станете кадетами.

Цзима махнула в сторону старшекурсников. Только сейчас Рин заметила, что цвета нарукавных повязок кадетов соответствуют поясам наставников.

– Если ни один наставник не захочет взять вас кадетом, вас попросят покинуть академию. Обычно остается только восемьдесят процентов первокурсников. Оглядитесь. Это значит, что в следующем году два человека из вашего ряда уйдут.

Рин огляделась, стараясь подавить волну паники. Она-то считала, что поступление в Синегард гарантированно сделает академию ее домом на следующие пять лет, а потом обеспечит стабильную карьеру.

Она не осознавала, что через несколько месяцев ее могут отправить домой.

– Мы исключаем студентов по необходимости, а не от жестокости. Наша задача – воспитывать элиту, лучших из лучших. Мы не можем зря терять время на дилетантов. Хорошенько присмотритесь к однокурсникам. Они станут вашими близкими друзьями, но и серьезными соперниками. Вы будете бороться друг с другом за право остаться в академии. Мы считаем, что благодаря этой состязательности проявятся самые талантливые. А бесталанных отправят домой. Если вы этого заслужите, то на следующий год станете кадетами. Если же нет... что ж, тогда вам и не стоило сюда приезжать.

При этих словах Цзима посмотрела прямо на Рин.

– И напоследок хочу вас предупредить. Я не потерплю наркотики на территории академии. Если у вас найдут хоть щепотку опиума, если схватят ближе десяти шагов от запрещенных веществ, вас вышвырнут из академии напрямиком в тюрьму Бахры.

Цзима обвела их последним суровым взглядом и отпустила взмахом руки.

– Удачи.

Рабан, тот кадет, что вмешался в драку Рин и Нэчжи, повел их из главного зала к общежитию на нижнем ярусе.

– Вы первогодки, а потому со следующей недели приступите к обязанностям по уборке, – сказал Рабан, обернувшись. Его голос звучал мягко и ободряюще, так говорят деревенские лекари, прежде чем ампутировать руку или ногу. – Первый колокол звонит на рассвете, занятия начинаются через полчаса. Если до этого не успеете в столовую, останетесь без завтрака.

Мальчики жили в самом крупном, трехэтажном здании, построенном, похоже, гораздо позже того, как территорию академии захватили у монахов. Женское общежитие, наоборот, было крохотным одноэтажным зданием, которое, вероятно, монахи использовали для медитации.

Рин ожидала, что в спальне будет ужасно тесно, но обнаружила только две занятые кровати.

– Три девочки в один год – это рекордное число, – сказал Рабан, прежде чем оставил их обустроиваться. – Наставники потрясены.

Оставшись наедине, три девочки осторожно оценивали друг друга.

– Меня зовут Нянь, – представилась та, что слева от Рин. У нее было круглое, дружелюбное лицо, ритмичный диалект выдавал северное происхождение, но все же был не таким неразборчивым, как синегардский. – Я из провинции Кролик.

– Очень приятно, – протянула вторая девочка. Она рассматривала простыни. Пощупала тонкую, не вполне белую ткань пальцами, скривилась и отпустила простыню. – Венка, – без энтузиазма представилась она. – Я из провинции Дракон, но выросла в столице.

Венка была типичной синегардской красавицей – белокожая и стройная, как тростинка. Рядом с ней Рин ощущала себя грубой и вульгарной.

Она поняла, что обе выжидающе смотрят на нее.

– Рунин, – сказала она. – Можно просто Рин.

– Рунин. – Венка искорежила ее имя синегардским акцентом, покатав слоги на языке, как кусочки невкусного блюда. – Что это за имя?

– Южное. Я из провинции Петух.

– Вот почему ты такая смуглая, – скривила губы Венка. – Как коровий навоз.

Ноздри Рин раздулись.

– Как-то раз я вышла на солнце. Тебе тоже стоит попробовать.

Как и предупреждал учитель Фейрик, занятия изматывали. Тренировка по Боевому искусству началась на рассвете следующего дня, во дворе второго яруса.

– Это еще что? – Наставник Цзюнь в рубаше с красным поясом с написанным на лице отвращением осмотрел кучку студентов. – Постройтесь в ровную шеренгу, не толпитесь, как перепуганные несушки.

Кустистые брови Цзюня почти встречались на переносице, и оттого смуглое лицо постоянно выглядело недовольным, словно надвинулась грозная туча.

– Выпрямите спины. – Голос Цзюня соответствовал лицу – сердитый и безжалостный. – Смотреть вперед. Руки за спину.

Рин постаралась скопировать позы стоящих перед ней однокурсников. Левое бедро зачесалось, но она не осмелилась его тронуть. Она слишком поздно поняла, что нужно было сходить в туалет.

Цзюнь расхаживал перед студентами, довольный тем, что они стоят в таких неудобных позах. Рядом с Нэчжой он остановился.

– Что это с твоим лицом?

Под левым глазом Нэчжи расплылся впечатляющий фингал – яркое фиолетовое пятно на безупречной скуле.

– Подрался, – промямлил Нэчжа.

– Когда?

– Вчера вечером.

– Тебе повезло, – сказал Цзюнь. – Если бы это произошло позже, я бы тебя отчислил. – Первое и самое важное правило в моем классе, – сказал он, повысив голос, чтобы все слышали, – никаких безответственных драк. Вы овладеете смертоносными приемами. Если применять их неправильно, можно нанести серьезные раны себе и партнеру по тренировке. Если будете драться, я выгоню вас из своего класса и буду настаивать на исключении из Синегарда. Всем ясно?

– Да, наставник, – ответили они.

Нэчжа оглянулся через плечо и бросил на Рин полный яда взгляд. Она сделала вид, что не заметила.

– Кто уже обучался боевым искусствам? – поинтересовался Цзюнь. – Поднимите руки.

Почти весь курс поднял руки. Рин в панике оглядывалась. Неужели многие уже тренировались до академии? И где же? Насколько они ее опередили? А если она не сумеет их догнать?

– Сколько лет? – спросил Цзюнь у Венки.

– Двенадцать, – ответила та. – Я обучалась стилю Мягкий кулак.

Рин вытаращила глаза. Это значит, Венка тренировалась с тех пор, как начала ходить.

Цзюнь показал на деревянный манекен.

– Серповидный удар ногой из-за спины. Снеси ему голову.

Снести голову? Рин с сомнением посмотрела на манекен. Голова и корпус были вырезаны из единого куска дерева. Голова не привинчивалась, а накрепко соединялась с торсом.

Однако Венку это ничуть не смутило. Она заняла позицию, бросила взгляд на цель, развернулась в прыжке и пнула ногой по голове манекена. Пятка пронеслась в воздухе по четкой дуге.

Нога впечаталась в голову манекена, снесла ее, и та отлетела. Голова с грохотом закатилась в угол, к стене.

У Рин отвисла челюсть.

Цзюнь одобрительно кивнул и отпустил Венку. Она с довольным видом вернулась обратно в шеренгу.

– Как она это сделала? – спросил Цзюнь.

По волшебству, решила Рин.

Цзюнь остановился перед Нянь.

– Ты. Выглядишь озадаченной. Как, по-твоему, она это сделала?

Нянь встревоженно прищурилась.

– Ци?

– Что такое ци?

Нянь покраснела.

– Э-э-э... Внутренняя сила. Энергия духа?

– Энергия духа, – повторил наставник Цзюнь и фыркнул. – Деревенская чепуха. Те, кто превозносят ци до уровня загадки или сверхъестественных способностей, оказывают медвежью услугу боевым искусствам. Ци – не что иное, как обычная энергия. Та же самая, что бежит по вашим кровеносным сосудам и легким. Та же энергия, что заставляет реки течь вниз, а ветер дуть.

Он поднял руку и показал на колокольную башню пятого яруса.

– В прошлом году двое прислужников установили новый колокол. Сами они никогда бы не подняли его на такую высоту. Но с помощью хитроумной системы веревок два человека среднего телосложения сумели поднять предмет в несколько раз больше собственного веса. Этот же принцип, только в своей противоположности, работает и в боевых искусствах. В вашем теле – ограниченный запас энергии. Никакие тренировки не позволят вам исполнить сверхъестественные трюки. Но при должном упорстве и знаниях, куда нанести удар и когда...

Цзюнь обрушил кулак на корпус манекена. Он раскололся, и под рукой ровным кругом разошлись трещины.

Наставник убрал руку. Корпус манекена разлетелся на куски и рухнул на землю.

– Вы сможете сделать то, что обычный человек считает невозможным. Главное в боевом искусстве – это действие и реакция. Углы и тригонометрия. Правильный расчет силы и точный вектор. Напряжение мышц и приложение силы так, чтобы она пришлась точно в цель. Если нарастите большую мышечную массу, вы увеличите и силу. Если отточите технику, сила будет распределяться более точно и эффективно. Боевое искусство не сложнее обычной физики. Если вас это смущает, просто посоветуйтесь с великими мастерами. Не задавайте вопросов. Просто подчиняйтесь.

История была уроком смирения. Не успели они войти в аудиторию, как сутулый и лысый наставник Йим выдал интерпретацию военных затруднений Никана.

– В прошлом веке империя вела пять войн, – сказал Йим. – И все проиграла. Вот почему мы называем прошлый век «столетием унижения».

– Оптимистично, – пробормотал кудрявый парень впереди.

Если Йим его и слышал, то не подал вида. Он указал на большой пергамент с картой Восточного полушария.

– Под властью Красного императора наша страна занимала половину континента. Старая Никанская империя была местом рождения современной цивилизации. Центром мира. Все изобретения пошли из Никана, среди них магнит, печатный пресс и доменная печь. Представители Никана принесли культуру и передовые методы управления на острова Муген на востоке и Спир на юге. Но империи рушатся. Старая империя пала жертвой собственного величия. После побед и расширения на север наместники начали драться между собой. Смерть Красного императора повлекла несколько сражений без определенного исхода. И Никан разделился на двенадцать провинций, каждую возглавил один из наместников. И большую часть современной истории они сражались друг с другом. До...

– До Опиумных войн, – сказал кудрявый ученик.

– Да. До Опиумных войн. – Йим указал на страну у границы Никана, крохотный остров в форме лука. – Младший брат Никана с востока, наш прежний данник, вонзил кинжал в страну, подарившую ему цивилизацию. Остальное вы, конечно же, знаете.

Нян подняла руку.

– Почему испортились отношения между Никаном и Мугеном? В дни Красного императора Федерация мирно платила дань. Что случилось? Чего они от нас хотят?

– Наши отношения никогда не были мирными, – поправил ее Йим. – Таковы и по сегодняшний день. Муген всегда хотел большего, даже когда платил дань. Федерация – амбициозная, быстро растущая страна с большим населением на крохотном острове. Представьте, что вы милитаристская страна, где жителей больше, чем может вместить ваш остров, а расширяться некуда. Представьте, что правители объявляют себя богами, считают, что они имеют данное богами право расширить империю на все Восточное полушарие. И тогда огромная земля за морем Нарийн покажется главной целью, верно?

Он снова повернулся к карте.

– Первая опиумная война была катастрофой. Раздробленная империя никогда бы не выстояла против хорошо подготовленных войск Федерации, которых муштровали для этого похода несколько десятилетий. И вот вам загадка. Как же мы выиграли Вторую опиумную войну?

Мальчик по имени Хан поднял руку.

– Благодаря Триумвирату?

В классе раздались приглушенные смешки. Триумвират – Гадюка, Дракон-император и Страж – это три героя, объединившие империю в войне против Федерации. Они вполне реальны, и женщина, известная как Гадюка, до сих пор сидит на троне в Синегарде, но их легендарное боевое искусство, скорее, больше относилось к детским сказкам. Рин выросла на историях о Триумвирате, голыми руками расправляющемся с целыми батальонами Федерации, с помощью сверхъестественных способностей насылающем бури и наводнения.

– Не смейтесь. Три героя сыграли важную роль – без их политических интриг мы бы никогда не сплотили двенадцать провинций, – сказал Йим. – Но я ждал другого ответа.

Рин подняла руку. Она помнила ответ из рассказов учителя Фейрика об истории.

– Мы уничтожили центр страны. Применили стратегию «вырубить и жечь». Когда армия Федерации углубилась слишком далеко, у нее закончились припасы, солдат нечем стало кормить.

Йим передернул плечами.

– Хороший ответ, но неверный. Это лишь пропаганда из провинциальных учебников. Стратегия «вырубить и жечь» больше навредила местному населению, чем Мугену. Еще варианты?

Поднял руку кудрявый мальчик впереди.

– Мы победили, потому что потеряли Спир.

Йим кивнул.

– Встань. Объясни.

Мальчик откинул волосы назад и поднялся.

– Мы победили, потому что потеря Спира вынудила вмешаться Гесперию. Ну а флот Гесперии намного превосходил мугенский. Они выиграли войну на море, а Никан подключился к мирному договору. На самом деле победа не вполне наша.

– Верно, – сказал Йим.

Мальчик с явным облегчением сел.

– Никан не выиграл Вторую опиумную войну, – повторил Йим. – Федерация отступила, потому что над нами сжалилась великая морская держава с запада. Мы так паршиво оборонялись, что Гесперия вмешалась из-за геноцида. Пока никанские войска застряли на северном фронте, флот Федерации за одну ночь превратил Спир в остров мертвецов. Они вырезали всех, включая детей, а тела сожгли. Весь народ перестал существовать.

Класс притих. Они выросли на историях о резне на Спице, крохотном островке, слезинке в океане между морем Нариин и заливом Омонод, лежащем рядом с провинцией Змея. Это был единственный оставшийся данник империи, покоренный и присоединенный во времена правления Красного императора. Эти события стали печальной вехой в истории Никана, ярким примером провала разрозненной армии при режиме наместников.

Рин всегда гадала, была ли потеря Спира случайной. Если бы подобным образом уничтожили любую другую провинцию, Никанская империя не удовлетворилась бы мирным договором. Она бы дралась, пока Федерация Муген не оказалась бы в руинах.

Но жители Спира не были в полной мере никанцами. Высокие и смуглые островитяне всегда отличались от жителей континента. Говорили на собственном языке со своей письменностью и имели другую религию. Они вступили в имперское ополчение только под угрозой меча Красного императора.

Во время Второй опиумной войны отношения никанцев и спирцев были натянутыми. И если нужно было пожертвовать территорией Никана, то Спир выглядел очевидным вариантом, так решила Рин.

– В прошлом веке мы выжили лишь благодаря чистой удаче и милости Запада, – сказал Йим. – Но даже с помощью Гесперии Никан едва сумел изгнать мугенских захватчиков. Под нажимом Гесперии в конце Второй опиумной войны Федерация подписала пакт о ненападении, и с тех пор Никан получил независимость. У Федерации остались только торговые аванпосты на краю провинции Лошадь, и в последние два десятилетия мугенцы ведут себя более-менее прилично. Но мугенцы теряют терпение, а Гесперия известна тем, что не любит сдерживать обещания. Из трех героев остался только один, император мертв, Страж пропал, и лишь императрица сидит на троне. Хуже того, у нас больше нет спирских воинов. – Йим помолчал. – Мы потеряли лучшие силы. Никан больше не обладает активом, который помог победить во Второй опиумной войне. Не стоит ожидать, что Гесперия снова нас спасет. Если былые столетия чему нас и научили, так это тому, что враги Никана никогда не останавливаются. Но когда придет время, мы хотим быть готовы.

В полдень колокол созывал на обед.

Еду раздавали из гигантских котлов, выставленных в ряд у дальней стены. Повара с полнейшим равнодушием раздавали рисовый отвар, рыбную похлебку и рисовые булочки.

Порций хватало, чтобы в животе перестало урчать, но не для полного насыщения. Студентов, пытающихся снова встать в очередь, отсылали обратно к столам с пустыми руками.

Для Рин регулярное питание уже было щедростью – у Фанов она часто оставалась без обеда. Но однокурсники пожаловались Рабану на скудные порции.

– Цзима считает, что голод полезен. Так вы будете ощущать легкость и сосредоточенность, – объяснил Рабан.

– Мы будем ощущать себя жалкими, – проворчал Нэчжа.

Рин закатила глаза, но промолчала. Они сидели за деревянным столом в конце столовой, за каждой стороной по двадцать пять человек. Другие столы занимали кадеты, но даже у Нэчжи не хватило наглости, чтобы сесть с ними.

Рин оказалась зажатой между Нянь и кудрявым мальчиком, который выступил на занятии по истории.

– Меня зовут Катай, – представился он, покончив с похлебкой.

Он был на год моложе Рин, и это бросалось в глаза. Костлявый, с веснушками и огромными ушами. А еще он получил самый высокий балл на кэцзюй в округе Синегард, где самая высокая конкуренция, что в особенности удивительно для того, кто сдает экзамен на год раньше. Он обладал эйдетической памятью и хотел изучать Стратегию у наставника Ирцзаха, когда сдаст годовой экзамен. И не считает ли Рин, что Цзюнь – просто осел?

– Да. А я Рунин. Рин, – сказала она, когда смогла вставить слово.

– Ах, так это тебя ненавидит Нэчжа.

Рин решила, что это не самая худшая репутация. К тому же Катай вроде бы ничего против нее не имел.

– Кстати, что с ним не так? – спросила она.

– Его отец – наместник провинции Дракон, а тетушки много поколений были наложницами императоров. Ты бы тоже выделялась, если бы члены твоей семьи были и богаты, и красивы.

– Ты его знаешь? – спросила Рин.

– Мы выросли вместе. Я, Нэчжа и Венка. У нас был один учитель. Я думал, они будут лучше ко мне относиться, когда мы окажемся в академии. – Катай пожал плечами и бросил взгляд в дальний конец стола, где царили Нэчжа и Венка. – Видимо, я ошибся.

Рин не удивилась, что Нэчжа выкинул Катай из круга друзей. Нэчжа не потерпел бы рядом такого умного парня, как Катай, ведь тот мог легко его обойти.

– И чем ты его разозлил?

Катай поморщился:

– Ничем, разве что обошел на экзамене. Нэчжа – страшный себялюбец. Кстати, а что ему сделала ты?

– Поставила фингал, – призналась Рин.

Катай поднял бровь.

– Мило.

После обеда был урок Наследия, а потом Лингвистика. Рин целый день ждала урока Наследия. Но кадеты, провожающие их на занятия, как будто пытались сдержать смех. Студенты поднялись по спиральным ступеням на пятый ярус – все остальные классы располагались ниже. И наконец оказались в закрытом садике.

– Что мы здесь делаем? – спросил Нэчжа.

– Это и есть класс для занятий, – объяснил кадет.

Кадеты с ухмылками переглянулись и ушли. Причина их веселья прояснилась через пять минут. Наставник по Наследию так и не появился. Прошло десять минут. Потом двадцать.

Студенты бродили по саду, пытаясь понять, что нужно делать.

– Над нами подшутили, – предположил Хан. – Привели не туда.

– А что здесь выращивают? – Нэчжа притянул цветок к носу и понюхал. – Гадость.

Рин присмотрелась к цветам получше и вытаращила глаза. Она уже видела такие лепестки.

Нэчжа опознал растение в тот же миг, что и она.

– Ну и ну, – сказал он. – Это же мак.

Студенты отреагировали, как испуганная стайка сусликов. Все поспешно отпрянули от мака, как будто одна только близость к нему может одурманить.

Рин охватило нелепое желание расхохотаться. На противоположном краю страны обнаружилось хоть что-то знакомое.

– Нас отчислят, – заныла Венка.

– Не будь идиоткой, это не наш мак, – сказал Катай.

Венка всплеснула руками.

– Но Цзима сказала, что если мы окажемся в десяти шагах от...

– Вряд ли отчислят целый курс, – возразил Катай. – Это проверка. Они хотят узнать, насколько мы стремимся к учебе.

– Или проверяют, как мы отнесемся к запрещенным наркотикам! – взвизгнула Венка.

– Да успокойся ты, – сказала Рин. – Мак не одурманит тебя от одного прикосновения.

Однако Венка не успокоилась.

– Но Цзима говорила не о том, что нас поймают под действием наркотиков, она говорила...

– Я думаю, это не урок, – вмешался Нэчжа. – Зуб даю, кадеты просто над нами подшутили.

– Занятия стоят в расписании, – засомневался Катай. – И мы видели наставника по Наследию, он был на приветственной речи.

– И где же его кадеты? – возразил Нэчжа. – Какого цвета его пояс? Почему мы не видели никого с нарукавными повязками его цвета? Это глупо.

Нэчжа направился к воротам. Остальные один за другим последовали его примеру. В конце концов Рин и Катай остались в саду одни.

Рин села и откинулась на локти, любуясь цветами. Помимо кроваво-красных маков здесь росли крохотные кактусы с розовыми и желтыми цветами, флуоресцентные грибы, слегка свящиеся в темных уголках под стеллажами, и пышные зеленые кустарники с чайным запахом.

– Это не сад. Это наркоферма.

Теперь ей и в самом деле захотелось встретиться с наставником по Наследию.

Катай сел рядом.

– А знаешь, великие шаманы из легенд перед сражениями принимали наркотики. Говорят, так они получали магическую силу. – Он улыбнулся. – Как думаешь, именно этому и учит наставник по Наследию?

– Честно? – Рин потеряла травинку. – Я думаю, он просто приходит сюда, чтобы оторваться.

Глава 4

Текли недели, и уроки все усложнялись. По утрам они занимались Боевыми искусствами, Медициной, Историей и Стратегией. Чаще всего к полудню голова у Рин уже гудела от обилия теорем, о которых она никогда не слышала, или книг, которые следовало прочесть до конца недели.

Занятия по Боевому искусству изнурили и физически и умственно. Цзюнь заставлял их проделывать мучительные упражнения – бегать вверх и вниз по лестницам академии, часами стоять на руках и кружить перед манекенами с привязанными к ладоням кирпичами. Каждую неделю Цзюнь отводил их на озеро у подножия горы и велел его переплывать.

Рин и еще несколько студентов не умели плавать. Цзюнь только один раз показал, как это делать. После чего они сами должны были постараться не утонуть.

Домашняя работа была тяжелой и явно нацелена на то, чтобы выжать все соки. Когда Соннен, наставник по Оружейному делу, объяснил правильные пропорции селитры, серы и угля в зажигательной смеси для бомб, он также велел сделать собственные импровизированные снаряды. А когда Энро, наставница по Медицине, сказала выучить названия всех костей человеческого тела, она также ожидала, что они выучат признаки переломов и научатся их распознавать.

Но самым сложным предметом оказалась Стратегия с наставником Ирцзахом. В первый же день он выдал толстенный том, «Искусство войны» Сунь-цзы, и объявил, что до конца недели они должны выучить его наизусть.

– Но книга же огромная! – пожаловался Хан. – Когда же мы будем делать другие домашние задания?

– Алтан Тренсин выучил ее за ночь, – сказал Ирцзах.

Студенты обменялись раздраженными взглядами. С самого первого дня наставники без устали хвалили Алтана Тренсина. Рин заключила, что он гений, явно самый блестящий ученик в Синегарде за несколько десятилетий.

Хан, похоже, разозлился не меньше, чем она.

– Да, но мы же не Алтан.

– Так постарайтесь им стать, – ответил Ирцзах. – Свободны.

Рин привыкла к постоянной учебе и недосыпу, расписание занятий не оставляло первокурсникам времени на что-либо еще.

В Синегарде начиналась осень. Во время утренних пробежек вверх по ступеням налетал холодный ветер. Он шуршал в деревьях с нарастающей силой. Студенты до сих пор не получили теплые зимние рубахи и стучали зубами, сгрудившись под большой мимозой в дальнем конце двора второго яруса.

Несмотря на холод, Цзюнь отказывался переместить занятия по боевым искусствам в помещение, пока окончательно не помешает снег. Суровому наставнику явно нравилось доставлять студентам неудобства.

– Боль принесет вам пользу, – сказал он, заставив их согнуться в мучительно низких позах. – Боевые мастера прошлого целый час стояли в такой позе перед тренировкой.

– Наверное, у боевых мастеров прошлого были крепкие ляжки, – выдохнул Катай.

Утренняя гимнастика по-прежнему была ужасна, но теперь они хотя бы перешли от основ к первым занятиям с оружием – палкой.

Цзюнь как раз занял позицию перед классом, и вдруг над его головой раздался шелест. И прямо на то место, где он только что стоял, шлепнулся комок листьев.

Все задрали головы.

Наверху, на толстой ветке мимозы, стоял давно отсутствующий наставник по Наследию.

Он орудовал большими садовыми ножницами, ловко обрезая листья как попало, и напевал себе под нос нестройную мелодию.

Услышав несколько слов песни, Рин опознала ее как «Прикосновения Стража», которую много раз слышала, доставляя опиум в бордели Тикани – это была непристойная эротическая песенка. Наставник по Наследию изуродовал мелодию, но пел громко и самозабвенно.

– Как дотронусь до тебя, растечешься от истомы...

Нян затряслась от сдавленного смеха. Катай с отвисшей челюстью вытаращился на дерево.

– Цзян, у нас вообще-то занятия, – рявкнул Цзюнь.

– Ну так и занимайтесь, – отозвался наставник Цзян. – Оставь меня в покое.

– Нам нужен этот двор.

– Но не весь же. Это дерево вам не нужно, – раздраженно бросил Цзян.

Цзюнь несколько раз взмахнул железной палкой и ударил по основанию дерева. Ствол затрясся. Раздался треск – сквозь крону мимозы падало что-то тяжелое.

Наставник Цзян распластался на каменном полу.

Первым делом Рин отметила, что он без рубахи. Потом она решила, что он, должно быть, мертв.

Но Цзян лишь перекатился и сел, встряхнул левую ногу и откинул седые волосы с плеч.

– Грубо, – задумчиво сказал он. По его левому виску стекала струйка крови.

– А зачем ты шатаешься тут, как полоумный? – огрызнулся Цзюнь.

– А зачем ты прервал мой утренний уход за садом? – отозвался Цзян.

– Ты не ухаживаешь за садом. Ты здесь только для того, чтобы мне досадить.

– Ты себе льстишь.

Цзюнь стукнул палкой о плиты, так что Цзян подпрыгнул от неожиданности.

– Вон!

С преувеличенными страданиями Цзян поднялся на ноги и вышел из сада, виляя бедрами, как танцовщица в борделе.

– Ты не будь такой ледышкой, оближу тебя как пышку...

– Ты права, – прошептал Катай Рин. – Он явно под кайфом.

– Внимание! – гаркнул Цзюнь газеющим вслед Цзяну студентам.

В его волосах застрял листок мимозы и трепетал на ветру.

Все поспешно выстроились перед наставником в два ряда, с палками наготове.

– Как только я подам сигнал, вы повторите эту последовательность. – И он показал упражнение с палкой. – Вперед. Назад. Отбить слева сверху. Обратное. Отбить справа сверху. Обратное. Отбить слева снизу. Обратное. Отбить справа снизу. Обратное. Закрутить, провести за спиной и обратно. Поняли?

Все молча кивнули. Ни один не осмелился признать, что пропустил почти всю последовательность. Цзюнь всегда показывал очень быстро, но теперь двигался быстрее, чем кто-либо мог отследить.

– Ну и хорошо. – Цзюнь грохнул палкой об пол. – Начали.

Это было фиаско. Они двигались без ритма и цели. Нэчжа махал палкой вдвое быстрее всех остальных, но он оказался единственным, кто был способен повторить последовательность. Остальные либо пропустили половину движений, либо перепутали их порядок.

– Ой!

Катай, выставив палку в защите в то время, когда следовало повернуться, задел Рин по спине. Она дернулась и случайно попала Венке по голове.

– Хватит! – рявкнул Цзюнь.

Палки перестали мелькать в воздухе.

– Я расскажу вам про великого стратега Сунь-цзы. – Цзюнь с пыhtением расхаживал вдоль рядов. – Когда Сунь-цзы закончил писать свой великий трактат «Искусство войны», он отправил книгу Красному императору. Император решил испытать мудрость Сунь-цзы, попросив его натренировать тех, кто не имел никакого боевого опыта – своих наложниц. Сунь-цзы согласился и собрал женщин за дворцовыми воротами. Он сказал им: «Как только я скажу «Смотреть вперед», смотрите прямо перед собой. Когда скажу «Налево», повернитесь влево. Когда скажу «Направо», повернитесь направо. Когда скажу «Разворот», повернитесь на сто восемьдесят градусов. Все ясно?» Женщины кивнули. Сунь-цзы скомандовал: «Направо», но женщины лишь засмеялись.

Цзюнь остановился перед Нянь, чье лицо встревоженно напряглось.

– Сунь-цзы сказал императору: «Если слова команды неясны, если приказы непонятны, винить следует только генерала». После чего он повернулся к наложницам и повторил команду: «Направо». И снова женщины засмеялись.

Цзюнь медленно повернул голову, встретившись взглядом с каждым учеником.

– Сунь-цзы снова сказал императору: «Если слова приказа неясны, виноват генерал. Но если слова приказа ясны, а приказ не исполнен, виноваты командующие войсками». После чего он отобрал старших наложниц и велел их обезглавить.

Нянь вытаращилась так, словно ее глаза вот-вот вылезут из орбит.

Цзюнь вернулся на позицию перед студентами и поднял палку. Все в ужасе ждали, что будет дальше. Цзюнь повторил последовательность, теперь медленней, по ходу называя движения.

– Теперь понятно?

Они кивнули.

Он стукнул палкой по полу.

– Тогда начали.

И они начали тренировку. И были безупречны.

Боевые искусства выматывали душу и подрывали дух, но в вечерних тренировках было и кое-что занятное. Иногда за тренировками присматривали два кадета Цзюня, Куриль и Цзиха. Они работали с лентой и настаивали на том, что воображаемому оппоненту нужно причинить как можно больше боли. И тогда тренировки превращались в кошмар, Цзиха и Куриль суетились вокруг, выкрикивая советы дерущимся студентам.

– Если у вас нет оружия, не цельтесь в лицо. – Цзиха опустил руку Венки с занесенным ножом так, чтобы удар пришелся в горло Нэчжи, а не в нос. – За исключением носа, почти все лицо состоит из кости. Вы только пораните собственную руку. Лучше целиться в шею. Если сила будет достаточной, вы перебьете трахею. И как минимум создадите сопернику проблемы с дыханием.

Куриль опустилась на колени рядом с Катаем и Ханом, которые схватились и перекатывались по земле.

– Во время тесного захвата укус – отличная техника.

Через секунду Хан завопил от боли.

Кучка первокурсников столпилась у деревянного манекена, на котором Цзиха демонстрировал удары ножом. Он указал на точку под животом манекена и яростно ткнул в нее ножом.

– Никанские монахи считали это место главным центром ци.

Рин заглотила наживку и поспешила спросить:

– А это так?

– Ха! Никаких центров ци не существует. Но в зоне под грудной клеткой много важных и незащищенных органов. А еще там диафрагма. Ха! – Цзиха впечатал кулак в манекен. – Это на несколько секунд обездвижит соперника. И даст время выцарапать ему глаза.

– Как вульгарно, – заметила Рин.

Цзиха пожал плечами.

– Нам и не нужно быть утонченными. Мы же убиваем.

– Покажу вам последний удар, – объявила Куриль, когда тренировка подошла к концу. – На самом деле только он вам и понадобится. С его помощью вы свалите самых сильных бойцов.

Цзиха смущенно прищурился и повернулся к ней – спросить, о чем она говорит. А Куриль подняла колено и пнула Цзиху в пах.

Обязательная тренировка длилась всего два часа, но первокурсники надолго задерживались в зале для практики. Единственная проблема заключалась в том, что более опытные студенты пользовались возможностью покрасоваться. Нэчжа исполнил в центре зала серию прыжков с вращением, с каждым разом удары в полете получались все более зрелищными. Вокруг собралась группа зрителей.

– Любишься нашим принцем? – спросил Катай, когда пересек зал и встал рядом с Рин.

– Не вижу, как это может пригодиться в сражении, – ответила она.

Теперь Нэчжа перед ударом разворачивался в воздухе на пятьсот сорок градусов. Выглядело красиво, но совершенно бессмысленно.

– Да никак. Искусство часто бывает таким – приятно смотреть, но на практике бесполезно. Многие кланы больше годились для оперы, чем для сражения, но затем им пришлось снова вспоминать боевое искусство. Именно так получила свое название «Опера красной джонки». Ее основатели владели боевыми искусствами, но изображали из себя уличных артистов, чтобы подобраться поближе к жертвам. Как-нибудь почитай историю древнего искусства, это увлекательно.

– Есть что-нибудь, о чем ты не читал? – спросила Рин.

Катай, похоже, обладал энциклопедическими знаниями почти по каждому предмету. В тот день за обедом он прочитал Рин лекцию о том, как в разных провинциях отличаются методы разделки рыбы.

– Я испытываю слабость к боевым искусствам, – сказал Катай. – Да и вообще, ужасно раздражает, когда люди не знают разницу между самообороной и выступлениями на публику.

Нэчжа приземлился после особенно высокого прыжка и присел. Удивительно, но несколько одноклассников зааплодировали.

Нэчжа выпрямился, не обращая внимания на аплодисменты, и перехватил взгляд Рин.

– Вот что значат семейные традиции, – сказал он, стирая пот со лба.

– Не сомневаюсь, что ты будешь грозой школы, – сказала Рин. – Станешь танцевать за деньги. Я бы бросила тебе монетку.

Нэчжа скривился в ухмылке.

– Ты просто завидуешь, что не унаследовала таких традиций.

– И я этому рада, если все они выглядят так нелепо.

– Род Инь придумал самую мощную технику ударов в империи, – огрызнулся Нэчжа. – Посмотрим, как ты сумеешь на них ответить.

– Думаю, что прекрасно сумею, – ответила Рин. – Хотя это и не будет выглядеть как потрясающее представление.

– По крайней мере, я не какой-нибудь безродный крестьянин, – сплюнул Нэчжа. – Ты никогда в жизни не занималась боевыми искусствами. Знаешь только один удар.

– А ты постоянно твердишь, что я крестьянка. Похоже, ты знаешь только одно оскорбление.

– Так сразись со мной, – предложил Нэчжа. – Драка до первой крови или кто выстоит десять секунд. Здесь и сейчас.

– Давай, – сказала Рин, но Катай закрыл ей рот рукой.

– Нет-нет. – Катай дернул ее назад. – Ты же слышала Цзюня, нельзя...

Но Рин вырвалась.

– Но ведь его здесь нет.

Нэчжа злобно улыбнулся.

– Венка! Иди сюда!

Венка прервала разговор с Нянь в другом конце зала и тут же подбежала.

– Будешь судьей, – сказал Нэчжа, не отводя взгляда от Рин.

Венка сложила руки за спиной, прямо как наставник Цзюнь, и вскинула подбородок.

– Начали.

Остальной класс выстроился вокруг Нэчжи и Рин. Рин была слишком сердита, чтобы обращать внимание на их взгляды. Она смотрела только на Нэчжу. Он стал кружить перед ней, то бросаясь вперед, то отскакивая быстрыми, элегантными движениями.

«Катай прав, – думала Рин, – Нэчжа и впрямь выглядит как оперный танцор. Он не кажется смертоносным, только глупым».

Она прищурилась и присела, следя за движениями Нэчжи.

Вот. Он открылся. Рин подняла ногу и ударила со всей силы.

Нога с приятным шлепком врезалась в Нэчжу, когда он подпрыгнул.

Нэчжа неестественно взвизгнул, схватился за пах и заныл.

Весь класс притих и повернул к ним головы.

Нэчжа с багровым лицом поднялся на ноги.

– Ты... да как ты смеешь...

– Как ты и сказал. – Рин опустила голову в шутовском поклоне. – Я знаю лишь один удар.

Приятно было унижить Нэчжу, но политические последствия были серьезными. В классе быстро сложились альянсы. Смертельно оскорбленный Нэчжа ясно дал понять, что все, кто водится с Рин, станут изгоями. Он подчеркнуто отказывался с ней разговаривать или признавать ее существование, разве что отпускал презрительные комментарии по поводу ее акцента. Один за другим однокурсники, испугавшись, что с ними обойдутся так же, последовали его примеру.

Катай остался единственным исключением. Нэчжа и без того его невзлюбил, как объяснил Рин Катай, так что теперь ему было плевать.

– К тому же это выражение его лица... – добавил Катай. – Бесценно.

Рин была благодарна преданности Катая, но ее потрясло, какими жестокими могут быть остальные. Они без устали находили причины потешаться над Рин. Ее темная кожа, отсутствие статуса, сельский акцент. Это раздражало, но Рин не замечала насмешек, пока они не стали появляться в каждом разговоре.

– Неужели мой акцент так выделяется? – спросила она Катая.

– Становится лучше, – ответил он. – Просто постарайся больше подчеркивать окончания слов. Укороти гласные. И добавь «р» туда, где его нет. Это удобное правило.

– Р-р-р, – зарычала Рин. – И почему речь синегардцев звучит так, будто они что-то жуют?

– У кого власть, тот и диктует правила, – сказал Катай. – Если бы столицу построили в Тикани, наверняка все сходили бы с ума по темной коже.

В последующие дни Нэчжа не перемолвился с ней ни словом, да у него и не было в этом необходимости. Его обожатели не теряли ни одной возможности, чтобы поиздеваться над Рин. Нэчжа умело ими манипулировал – как только он сделал главной мишенью Рин, ему оставалось лишь спокойно наблюдать.

Маниакально привязанная к Нэчже Венка оскорбляла Рин при каждой возможности. Нянь вела себя лучше – на людях она не подходила к Рин, но разговаривала с ней в спальне.

– Попробуй извиниться, – шепнула Нянь как-то ночью, когда Венка уже спала.

Извиняться Рин уж точно не собиралась. Она не склонится, чтобы потрафить самолюбию Нэчжи.

– Это он предложил драться, – огрызнулась она. – Не моя вина, если он получил то, на что напрашивался.

– Это неважно, – сказала Нянь. – Попроси прощения, и он о тебе забудет. Нэчжа любит, когда его уважают.

– За что? – спросила Рин. – Он не сделал ничего, чтобы заслужить мое уважение. Ведет себя высокомерно, как будто раз он из Синегарда, то какой-то особенный.

– Извинения не помогут, – вмешалась Венка, которая, как оказалось, не спала. – И то, что мы из Синегарда, и правда делает нас особенными. Мы с Нэчжой, – Венка всегда подчеркивала это «мы», – готовились к поступлению в академию с тех пор, как научились ходить. Это наша судьба. А ты кто такая? Никто. Просто бродяжка с юга. Тебе здесь не место.

Рин приподнялась на кровати, вспыхнув от гнева.

– Я сдала тот же экзамен, что и ты, Венка. И имею право здесь находиться.

– Ты просто заполняешь квоту, – отозвалась Венка. – Похоже, кэцзюй не для всех одинаков.

Как бы ни раздражала ее Венка, у Рин просто не было времени обращать на нее внимание. Через несколько дней они прекратили переругиваться, но лишь потому, что были слишком утомлены даже для разговоров. Когда закончилась неделя тренировок, они едва таскали ноги, так болели все мышцы. Без единого слова они стянули одежду и рухнули на койки.

И почти тут же проснулись от стука в дверь.

– Вставайте, – сказал Рабан, когда Рин открыла дверь.

– Что за...

Рабан посмотрел ей через плечо на Венку и Нянь, которые что-то невнятно бормотали с кровати.

– И вы тоже. Шевелитесь.

– В чем дело? – сердито пробормотала Рин, потирая глаза. – Через шесть часов нам уже надо подметать полы.

– Просто идемте.

Не переставая ворчать, девочки натянули рубахи и вышли наружу, где уже собрались мальчишки.

– Если это очередное издевательство над первогодками, могу я уже вернуться в постель? – спросил Катай. – Считайте, что меня уже унизили, и дайте поспать.

– Заткнись. Пошли за мной.

Без дальнейших объяснений Рабан направился к лесу.

Чтобы успеть за ним, пришлось бежать вприпрыжку. Поначалу Рин решила, что он ведет их вглубь леса на склоне горы, но он просто срезал дорогу, и через минуту они оказались перед главным тренировочным залом. Внутри горел свет и слышались голоса.

– Еще один урок? – спросил Катай. – Великая черепаха! Объявляю забастовку.

– Это не урок. – Почему-то в голосе Рабана звучало воодушевление. – Входите.

Несмотря на шум голосов, в зале оказалось пусто. Студенты столпились в недоумении, пока Рабан не позвал их за собой по лестнице в подвал. В центре сгрудились кадеты. Их внимание явно привлекло что-то чрезвычайно интересное. Рин вытянула шею, чтобы выглянуть поверх голов кадетов, но не увидела ничего, кроме спин.

– Пропустите первокурсников! – выкрикнул Рабан и повел их сквозь плотную толпу.

Энергично работая локтями, Рабан проторил им путь среди кадетов.

В центре были вырыты две глубокие ямы, каждая три метра диаметром и два глубиной. Ямы находились вплотную друг к другу и были ограждены металлическим забором высотой по пояс, чтобы зрители не свалились. Одна яма была пуста. В центре второй стоял наставник Соннен, сложив руки на широкой груди.

– Судит всегда Соннен, – сказал Рабан. – Он вытаскивает короткую соломинку, потому что самый молодой.

– Что судит? – спросил Катай.

Рабан широко улыбнулся.

Дверь в подвал открылась. Вошли новые кадеты, переполнив и без того забитую комнату до краев. Из-за напиральной толпы первокурсники оказались в опасной близости к краю ям. Рин вцепилась в заборчик, чтобы не упасть.

– Что происходит? – спросил Катай у кадетов, стоящих ближе к рингам.

В комнате было столько людей, что кадеты в задних рядах забралась на стулья.

– Сегодня выходит Алтан, – объяснил Рабан. – Никто не хочет пропустить Алтана.

Рин, наверное, уже в двадцатый раз за неделю услышала это имя. Похоже, вся академия сходила по нему с ума. Студент пятого курса Алтан Тренсин побил все рекорды школы и был любимым учеником каждого наставника, исключением из каждого правила. А у их курса стал темой для расхожих шуток.

Можешь помочиться через стену в город? Алтан может.

Высокий и гибкий человек прыгнул на ринг наставника Соннена, не потрудившись воспользоваться веревочной лестницей. Пока вниз спускался его оппонент, Алтан вытянул руки за спиной и задрал голову к потолку. В глазах отразился свет ламп.

Глаза были алыми.

– Великая черепаха! – сказал Катай. – Да он же со Спира.

Рин посмотрела пристальнее. Катай был прав, Алтан не был похож на никанца. Его кожа была темнее, чем у остальных, даже чем у Рин. Но если из-за загорелой кожи Рин выглядела грубой и неэлегантной, то Алтану смуглость придавала королевский облик. Его волосы были цвета жидких чернил, скорее фиолетовые, чем черные. Узкое лицо без выражения и потрясающе красивое. И глаза – алые, пылающе красные.

– Я думала, все спирцы погибли, – сказала Рин.

– Большинство, – ответил Рабан. – Алтан – последний.

– Я Бо Кобин, кадет наставника Цзюня Лорана, – объявил оппонент Алтана. – Я вызываю Алтана Тренсина на бой.

Кобин был вдвое тяжелее Алтана и на несколько пальцев выше, но Рин подозревала, что дерется он гораздо хуже.

Алтан передернул плечами.

– Ладно, начали, – сказал Соннен со скучающим видом.

Кадеты встали на позиции.

– А он что, представляться не будет?

Рабана это явно повеселило.

– Алтан не нуждается в представлениях.

Рин поморщилась.

– Он много о себе воображает.

– Алтан Тренсин, – сказал Катай. – Алтан – это название его клана?

– Тренсин. Спирцы ставят фамилию в конец, – поспешно объяснил Рабан и мотнул головой на ринг. – Тсс! А то все пропустите.

Они уже пропустили.

Рин не слышала движений Алтана, даже не видела начала драки. Но когда она снова посмотрела на ринг, Кобин уже лежал на земле, одна рука неестественно загнута за спиной.

Алтан стоял на коленях рядом и медленно увеличивал нажим на руку Кобина. Выглядел он бесстрастным и невозмутимым, почти апатичным.

Рин вцепилась в ограду.

– Когда он... когда же он...

– Он Алтан Тренсин, – сказал Рабан, как будто этого достаточно.

– Сдаюсь, – завопил Кобин. – Сдаюсь, чтоб тебя!

– Разойтись, – зевая, сказал Соннен. – Победил Алтан. Следующий.

Алтан выпустил Кобина и протянул ему руку. Тот поднялся с помощью Алтана и пожал ему руку. Поражение Кобин принял достойно. Видимо, нет ничего постыдного в том, что Алтан Тренсин победил тебя меньше чем за три секунды.

– И все? – спросила Рин.

– Еще нет, – ответил Рабан. – Сегодня Алтан получил много вызовов.

Следующим претендентом была Куриль.

Рабан нахмурился и покачал головой.

– Ей не должны были разрешать этот поединок.

Рин сочла это замечание несправедливым. Куриль была одним из лучших кадетов Цзюня и имела грозную репутацию. Куриль и Алтан были одного роста и веса, уж конечно, Куриль сумеет постоять за себя.

– Начали.

Куриль тут же атаковала Алтана.

– Великая черепаха! – пробормотала Рин.

Ей с трудом удавалось следить за ударами в ближнем бою. За секунду Куриль и Алтан обменивались многочисленными ударами и парировали их, уворачивались и скакали друг вокруг друга, как в танце.

Прошла минута. Куриль явно сдавала. Удары стали небрежными, слишком напряженными. При каждом движении с ее лба слетали капельки пота. Но Алтан ничуть не изменился и двигался все с той же кошачьей грацией, как и в начале состязаний.

– Он с ней играет, – сказал Рабан.

Рин не сводила взгляда с Алтана. Его движения напоминали гипнотический танец. Каждое излучало чистую силу – не груда мышц, как у Кобина, а сконцентрированная энергия, словно Алтан – туго натянутая пружина, готовая вот-вот выстрелить.

– Скоро он с этим покончит, – предсказал Рабан.

В конечном счете все свелось к игре кота с мышью. Куриль никогда не стояла на одном уровне с Алтаном. Поначалу он дрался зеркально, чтобы ее подбодрить, а потом – чтобы вымотать. С каждой секундой движения Куриль замедлялись. И Алтан шутливо тоже замедлял темп, чтобы совпасть по ритму с Куриль. Наконец, Куриль отчаянно бросилась вперед в попытке уравнять счет, врезав Алтану по диафрагме. Вместо того чтобы отразить удар, Алтан отпрыгнул в сторону, пробежался по земляной стенке ринга, спрыгнул с другой стороны и перевернулся в воздухе. Его нога попала Куриль в висок. Та рухнула навзничь.

Прежде чем Алтан приземлился рядом и по-кошачьи пригнулся, она потеряла сознание.

– Тигриная хватка, – сказал Катай.

– Точно, – согласилась Рин.

В яму тут же спрыгнули два кадета-медика с оранжевыми повязками и унесли Куриль. У края ринга уже дожидались носилки. Алтан спокойно стоял в центре ямы, скрестив руки на груди. Но как только Куриль унесли из подвала, по веревочной лестнице спустился еще один студент.

– Три вызова за один вечер, – сказал Катай. – Это нормально?

– Алтан много дерется, – объяснил Рабан. – Все хотят его уложить.

– И кому-нибудь удавалось? – спросила Рин.

Рабан лишь рассмеялся.

Когда третий соперник Алтана повернул бритую голову в сторону ламп, Рин с удивлением поняла, что это Тоби – кадет, который устраивал им экскурсию.

Вот и хорошо, решила Рин. Алтан с ним разделается.

Тоби громко представился, и однокурсники по классу Боевых искусств подбодрили его криками. Алтан потеревил рукав и опять промолчал. Может, закатил глаза, но в тусклом освещении Рин не разглядела.

– Начали, – скомандовал Соннен.

Тоби согнул руки и присел. Он не сжал кулаки, а согнул узловатые пальцы, как будто держал невидимый шар.

Алтан наклонил голову, словно говорил: «Ну ладно, давай».

Состязание быстро растеряло элегантность. Это была сшибающая с ног борьба с окровавленными костяшками пальцев и без тесных захватов. Резкая и мощная, полная жестокой звериной силы. Никаких запретов. Тоби яростно вонзил пальцы в глазницы Алтана. Тот наклонил голову и врезал Тоби в грудь локтем.

Тоби отшатнулся, хватая ртом воздух. Алтан дал ему подзатыльник, как будто воспитывал ребенка. Тоби рухнул на землю, но тут же вскочил и бросился вперед. Алтан поднял кулаки, готовясь отразить удар, но Тоби врезался ему в живот, и оба свалились.

Алтан упал навзничь. Тоби занес правую руку и вонзил согнутые пальцы Алтану в живот. Алтан разинул рот в беззвучном крике. Тоби поднажал и провернул кулак. Рин заметила на его предплечье раздувшиеся вены. А лицо превратилось в волчий оскал.

Алтан судорожно дергался и кашлял. Из его рта хлынула кровь.

Рин затаила дыхание.

– Жуть, – сказал Катай. – Ну и жуть.

– Это называется Тигриные когти, – объяснил Рабан. – Фирменная техника Тоби. Получил по наследству. Алтан неделю не сможет просрать.

Соннен наклонился над ними.

– Так, разойтись...

Но тут Алтан обвинил Тоби за шею и врезал ему лбом по физиономии. Раз. Второй. Тоби ослабил хватку.

Алтан сбросил Тоби и рванул вперед. Через полсекунды они поменялись местами: обездвиженный Тоби лежал на земле, а Алтан прижимал его коленями, стиснув горло руками. Тоби судорожно дергался.

Алтан с презрением отшвырнул Тоби и взглянул на наставника Соннена, ожидая указаний.

Тот пожал плечами.

– Состязание окончено.

Рин наконец-то выдохнула – она не сразу сообразила, что задерживала дыхание.

На ринг прыгнули кадеты-медики и вытащили Тоби. Он стонал. Из его носа текла кровь.

Алтан прислонился к земляной стенке. Вид у него был скучающий и безразличный, словно он не чувствовал боли и паники, словно к нему и не притрагивались. По его подбородку струилась кровь. Рин с восхищением и одновременно с ужасом смотрела, как Алтан слизнул кровь с верхней губы.

Алтан закрыл глаза и довольно долго стоял так, а потом вздернул голову и медленно выдохнул ртом.

Увидев их лица, Рабан усмехнулся.

– Ну что, теперь поняли?

– Это было... – всплеснул руками Катай. – Но как? Как?

– Он разве не чувствует боли? – спросила Рин. – Он не человек.

– Точно, – сказал Рабан. – Он спирец.

На следующий день за обедом первокурсники говорили только об Алтане.

В него влюбился весь курс, но Катай был просто одержим.

– Как он двигается, это просто... – Катай помахал руками в воздухе, поскольку не мог подобрать слов.

– Он не особо разговорчив, да? – сказал Хан. – Даже не представился. Каков гусь.

– Он не нуждается в представлениях, – фыркнул Катай. – Все знают, кто он такой.

– Сильный и загадочный, – мечтательно протянула Венка.

Они с Нянь хихикнули.

– Может, он просто не умеет разговаривать, – предположил Нэчжа. – Вы же знаете этих спирцев. Дикие и кровожадные. Не знают, чем заняться, пока не получают приказов.

– Спирцы не идиоты, – возразила Нянь.

– Они примитивны. Не намного умнее детей, – настаивал Нэчжа. – Говорят, они ближе к обезьянам, чем к людям. Мозг у них меньше нашего. Вы в курсе, что до Красного императора у них даже не было письменности? Они хорошо дерутся, но не более того.

Несколько однокурсников кивнули, словно соглашаясь, но Рин не верилось, что человек, дерущийся с такой элегантною точностью, как Алтан, обладает сообразительностью обезьяны.

В Синегарде она уже поняла, каково это, когда тебя считают дурой из-за цвета кожи. Это ее бесило. Интересно, испытывает ли то же самое Алтан?

– Это все враки. Алтан не идиот, – сказал Рабан. – Лучший студент нашего курса. Может, и всей академии. Ирцзах говорит, что у него никогда еще не было такого блестящего ученика.

– Я слышал, он верный кандидат в будущие наставники, – сказал Хан.

– А я слышал, он принимает наркотики, – сказал Нэчжа, который явно не привык к тому, что не он находится в центре внимания. Похоже, он всячески пытался принизить способности Алтана. – Сидит на опиуме. По глазам же видно – все время красные.

– У него красные глаза, потому что он спирец, кретин, – сказал Катай. – У всех спирцев алые глаза.

– А вот и нет, – заметила Нянь. – Только у воинов.

– Ну, Алтан уж точно воин. И у него красная радужка, – сказал Катай. – Не капилляры.

Он не наркоман.

Нэчжа скривился.

– Все время заглядывал Алтану в глаза, да?

Катай вспыхнул.

– Ты не слышал разговоры других кадетов, – вкрадчиво продолжил Нэчжа, как будто имеет доступ к информации, которой остальные не владеют. – Алтан – наркоман. Я слышал, Ирцзах дает ему опиум после каждой победы. Потому он так и старается. Опиумный наркоман пойдет на что угодно ради дозы.

– Чушь, – сказала Рин. – Ты и понятия не имеешь, о чем говоришь.

Она знала, как выглядят наркоманы. Курильщики опиума были похожи на пожелтевшие, бесполезные мешки с костями. И не дрались как Алтан. Не двигались как Алтан. Они не были смертоносными хищниками с безупречной грацией.

«Великая черепаха! А я ведь и сама от него без ума», – поняла она.

– Через полгода после подписания пакта о ненападении императрица Су Дацзы запретила в Никане хранение и использование любых психоактивных веществ, для искоренения незаконной торговли наркотиками были введены серьезные наказания. Конечно, во многих провинциях все еще процветает черный рынок, и это вызывает споры об эффективности подобной политики. – Наставник Йим обвел взглядом аудиторию. Все студенты разом дернулись и либо

начали что-то царапать в тетрадах, либо уставились в окно. – Я что, читаю лекцию на кладбище?

Катай поднял руку:

– Мы можем поговорить о спирцах?

– Что? – нахмурился Йим. – Спир не имеет никакого отношения к тому, о чем... А-а-а... – Он вздохнул. – Познакомились с Тренсином, да?

– Он был неподражаем, – пылко сказал Хан, пока все остальные кивали.

– Каждый год, – рассерженно пробормотал Йим. – Каждый год. Ну ладно. – Он отбросил заметки для лекции. – Раз вы хотите поговорить о Спире, давайте поговорим о Спире.

Все застыли в ожидании. Йим закатил глаза и порылся в толстой пачке карт в ящике стола.

– Почему устроили бомбардировку Спира? – нетерпеливо спросил Катай.

– Обо всем по порядку, – ответил Йим. Он полистал пергамент и наконец нашел то, что искал, – помятую карту Спира и южных границ Никана. – Терпеть не могу поспешную историографию, – сказал он, прищипывая карту к доске. – Начнем с политического контекста. Спир стал колонией Никана во времена правления Красного императора. Кто может рассказать о присоединении Спира?

Рин подумала, что присоединение – слишком мягкое слово. На самом деле все произошло далеко не так благодушно. Много веков назад Красный император захватил остров силой и заставил спирцев служить в его армии, превратив их в лучших бойцов ополчения, пока Вторая опиумная война не стерла весь народ с лица земли.

Нэчжа поднял руку:

– Спир присоединили во время правления Майриннен Теарцы, последней королевы-воительницы Спира. Никанская империя предложила ей покинуть трон и платить дань Синегарду. Теарца согласилась, скорее всего, потому, что была влюблена в Красного императора, или что-то в этом роде, но Совет Спира ей не позволил. Легенда гласит, что Теарца в отчаянии заколола себя кинжалом, и ее гибель убедила Совет Спира в том, насколько она стремилась в Никан.

На мгновение повисла тишина.

– Самая идиотская история на свете, – прошептал Катай.

– С какой стати ей было себя убивать? – спросила Рин. – Разве не лучше было бы добиться своего при жизни?

Нэчжа пожал плечами.

– Вот почему женщины не должны командовать на мелких островах.

Этот комментарий вызвал гул ответов. Йим поднял руку, велел всем умолкнуть.

– Все было не так просто. Легенда, конечно же, приукрасила факты. Рассказ о любви Теарцы и Красного императора – не историческая бль, а романтическая сказка.

Венка подняла руку:

– Я слышала, что Красный император ее предал. Обещал, что не нападет на Спир, но не сдержал слово.

Йим пожал плечами.

– Это популярная теория. Красный император славился беспощадностью, предательство вполне в его духе. Правда в том, что я не знаю, отчего умерла Теарца. Может, ее и убили. Известно лишь, что она умерла, спирская традиция монарха-воина прервалась, а остров присоединился к империи вплоть до Второй опиумной войны. Экономически Спир не представлял особой ценности в качестве колонии. Остров не экспортировал почти ничего нужного империи, за исключением воинов. Существуют свидетельства того, что спирцы даже не были знакомы с сельским хозяйством. До того как Красный император принес им цивилизацию, спирцы были примитивным народом, практиковавшим дикие, варварские ритуалы. Они не

могли ничего предложить ни в области культуры, ни в области технологий, одним словом, на века отстали от всего мира. Но как воины спирцы ценились на вес золота.

Рин подняла руку:

– А спирцы и впрямь огненные шаманы?

По классу разлетелись приглушенные смешки, и Рин тут же пожалела о своем вопросе.

– В Тикани до сих пор верят в шаманов? – поразился Йим.

Щеки у Рин пылали. Она все детство слышала рассказы о Спире. Все в Тикани восхищались яростными воинами империи и их предполагаемыми сверхъестественными способностями. Рин понимала, что не стоит верить этим рассказам, но ей все равно было любопытно.

Но она спросила, не подумав. Конечно, очаровавшие ее в Тикани мифы выглядели отсталыми и провинциальными в столице.

– Нет, я в смысле... Я не... – промямлила Рин. – Я об этом читала, мне просто интересно...

– Не обращайтесь на нее внимания, – сказал Нэчжа. – В Тикани до сих пор считают, что мы проиграли Опиумные войны.

Снова раздалась смешки. Нэчжа самодовольно откинулся на стуле.

– Но ведь у спирцев и впрямь есть необычные способности, да? – быстро пришел на помощь Рин Катай. – Иначе зачем бы Спир понадобился Мугену?

– Потому что это удобная цель, – ответил Нэчжа. – Точно между островами Федерации и провинцией Змея. Почему бы и нет?

– Это бессмысленно, – покачал головой Катай. – Насколько я понимаю, Спир не имеет никакого стратегического значения. Он даже для военно-морской базы непригоден, Федерации удобнее было бы переплыть через узкий пролив в Хурдалейн. Спир мог заинтересовать мугенцев, только если способен их напугать.

– Спирцы внушают страх, – сказал Нэчжа. – Примитивные наркоманы. Кто ж не захочет от них избавиться?

Рин даже не верилось, что Нэчжа может так бесцеремонно описывать кошмарную резню, и была поражена, когда Йим кивнул в ответ.

– Спирцы были варварами, поглощенными лишь войной, – сказал он. – Они готовили детей сражаться, как только те начинали ходить. Веками они опустошали прибрежные никанские поселения, потому что у них не было собственного сельского хозяйства. И кстати, слухи о шаманизме, вероятно, имеют отношение к их религии. Историки полагают, что в своих странных ритуалах спирцы посвящали себя богу, Багряному Фениксу. Но это всего лишь ритуал. Не боевые способности.

– Но широко известны особые отношения спирцев с огнем, – заметил Катай. – Я читал военные рапорты. Многие генералы, и никанские и мугенские, считали, что спирцы умеют управлять огнем силой мысли.

– Легенды, – отмахнулся Йим. – Способность управлять огнем – это уловка, которую спирцы использовали, чтобы запугать врагов. Вероятно, основано это на том, что во время ночных набегов они использовали горящее оружие. Но сегодня большая часть ученых считает, что боевое мастерство спирцев происходит от суровых условий их жизни и воспитания.

– И почему же тогда наша армия не способна им подражать? – спросила Рин. – Если спирские воины были такими сильными, почему мы просто не могли скопировать их тактику? Почему пришлось их порабощать?

– Спирцы были нашими данниками. Не рабами, – нетерпеливо оборвал ее Йим. – И мы можем воссоздать их систему тренировок, но повторяю, они использовали варварские методы. Цзюнь считает, что вам вполне достаточно и обычных тренировок. Вряд ли вы захотите испытать на себе спирскую систему.

– А как же Алтан? – напирал Катай. – Он вырос не на Спире и тренировался в Синегарде...

– Ты видел, чтобы Алтан зажигал огонь силой мысли?

– Нет, конечно, но...

– Неужели одного взгляда на него хватило, чтобы ты перестал ясно мыслить? Скажу предельно четко – нет никаких шаманов. И спирцев больше нет. Алтан – такой же человек, как и все вы. Он не владеет магией и не обладает сверхъестественными способностями. Он хорошо дерется, потому что тренировался с тех пор, как начал ходить. Алтан – последний отпрыск погибшего народа. Если спирцы и молились своим богам, те их не спасли.

Но увлечение Алтаном так и не прошло. После состязаний кадетов первокурсники удвоили усилия на занятиях у Цзюня. Им хотелось стать такими же грациозными и смертоносными бойцами, как Алтан. Но Цзюнь оставался все таким же дотошным. Он отказался учить их яркой технике, которую они видели на ринге, пока все не овладеют основами.

– Если вы сейчас попытаете исполнить Тигриные когти Тоби, то и кролика не прикончите, – усмехнулся он. – Только собственные пальцы переломаете. Только через несколько месяцев вы научитесь концентрировать ци в такой степени, которая требуется для этой техники.

Но наконец-то он устал муштровывать их в строю. Теперь курс уже неплохо овладел палками – по крайней мере, студенты почти не наносили друг другу увечий. К концу дня Цзюнь выстроил их рядами и велел тренироваться попарно.

– Аккуратно, – подчеркнул он. – В два раза медленнее. Я не потерплю дурацких ранений. Отрабатывайте удары, которые мы прошли.

Рин оказалась в паре с Нэчжой. А как же иначе! Он ехидно улыбнулся.

У нее тут же промелькнула мысль, что вряд ли они сумеют закончить тренировку без увечий.

– На счет «три», – объявил Цзюнь. – Раз, два...

Нэчжа бросился вперед.

Удар был такой силы, что оглушил ее. Рин едва успела поднять палку над головой, чтобы отразить удар, который выбил бы из нее дух, и, когда палки схлестнулись, ее руки задрожали.

Однако Нэчжа продолжал наступать, полностью проигнорировав указания Цзюня. Он бешено размахивал палкой, но при этом и хорошо прицеливался. Рин неуклюже отбивалась, она неуверенно обращалась с палкой – ничего похожего на вращающееся облако в руках Нэчжи. Рин с трудом удерживала палку, дважды та чуть не выпала из рук. Нэчжа наносил куда больше ударов, чем Рин могла отразить. Первые два, в локоть и бедро, были очень болезненными. Потом удары посыпались в таком количестве, что Рин их больше не чувствовала.

Она ошибалась насчет Нэчжи. Раньше он выделялся, но и в самом деле был настоящим мастером. Во время их прошлой драки он слишком зазнавался. Она поставила ему фингал по чистой случайности.

Но теперь он уже не был так самонадеян.

С тошнотворным треском палка врезалась в ее коленную чашечку. У Рин чуть глаза не вылезли из орбит. Она рухнула на землю.

Не особо выбирая технику, Нэчжа колотил Рин уже на земле, каждый удар сильнее предыдущего.

– Вот в чем разница между нами, – сказал Нэчжа. – Я тренировался всю жизнь. Ты не можешь просто влезть сюда и поставить меня в дурацкое положение. Поняла? Ты никто.

«Он меня убьет. На самом деле убьет».

Хватит с нее палки. Она не сумеет обороняться, если не знает, как пользоваться этим оружием. Рин отбросила палку, подпрыгнула и схватила Нэчжу за пояс. Тот выронил палку

и покачнулся. Рин запрыгнула на него. Он врезал ей по лицу, Рин вlepила ему по носу. Они колошматили друг друга, сплетаясь в узел.

И тут кто-то дернул ее за воротник и поднял в воздух. Продемонстрировав недюжинную силу, Цзюнь разнял их, подержал немного над землей и отшвырнул прочь.

– Я неясно объяснил насчет ударов? – проревел он.

– Это она начала, – быстро сказал Нэчжа. Он перекатился, сел и указал на Рин. – Она выбросила...

– Я сам видел, – рявкнул Цзюнь. – А видел я, как вы катаетесь по земле, будто придурки. Если бы мне нравилось учить животных, я был бы в рядах цыке. Мне следует об этом доложить?

Нэчжа потупил взгляд.

– Нет, наставник.

– Положи оружие и покинь занятия. Ты отстранен на неделю.

– Да, наставник.

Нэчжа поднялся, бросил палку в мешок для оружия и вышел.

Цзюнь повернулся к Рин. Ее лицо было в крови – кровь текла из носа и со лба. Рин неловко вытерла подбородок, стараясь не встречаться взглядом с Цзюнем.

Он навис над Рин.

– Ты. Вставай.

Она с трудом поднялась. Колено возмущенно завопило.

– И сотри с лица это жалкое выражение. От меня ты сочувствия не получишь.

Она и не ожидала сочувствия. Но и того, что произойдет дальше, тоже не ожидала.

– Это самое жалкое зрелище, которое устраивал студент после того, как я покинул ополчение, – сказал Цзюнь. – Ты совершенно не овладела основами. Двигаешься как паралитик. Что я только что наблюдал? Ты что, проспала весь месяц?

«Он двигался слишком быстро. Я не успевала. Я не училась много лет, как он». Но хотя эти слова и пришли ей в голову, звучали они слишком жалкими оправданиями, каковыми и были. Рин открыла рот и закрыла – она была слишком оглушена, чтобы говорить.

– Ненавижу студентов вроде тебя, – безжалостно продолжил Цзюнь. Перестук палок давно затих. Их слушал весь класс. – Ты пролезла в Синегард из своей деревушки, считая, что теперь тобой будут гордиться мамочка и папочка. Может, ты и была самой умной в деревне. Может, даже сдала экзамен лучше, чем надеялся учитель. Но знаешь что? Чтобы овладеть боевыми искусствами, недостаточно запомнить несколько классических трактатов. Каждый год сюда приходит кто-нибудь вроде тебя, какой-нибудь сельский недотепа, который считает, что достоин моего времени и внимания, лишь сдав экзамен. Заруби себе на носу, южанка. Экзамен ничего не доказывает. Дисциплина и умения – вот что имеет значение в этой школе. Тот парень, – Цзюнь ткнул пальцем в ту сторону, куда удалился Нэчжа, – может, и свинья, но из него выйдет командир. А ты – просто крестьянское отродье.

Теперь на нее уставился весь класс. В глазах Катая читалось сочувствие. Даже Венка выглядела пораженной.

У Рин звенело в ушах, слова Цзюня расплывались. Она казалась себе такой ничтожной. Как будто вот-вот рассыпется в пыль. Только не плачь. В глазах свербило от напора сдерживаемых слез. Только не плачь.

– Я не терплю в своем классе возмутителей спокойствия, – сказал Цзюнь. – К сожалению, не в моей власти тебя исключить, но я запрещаю тебе посещать тренировки. Ты не притронешься к мешку с оружием. Не будешь посещать зал в свободное время. Ноги твоей не будет там, где я провожу занятия. И ты не будешь просить старшекурсников тебя научить. Я не хочу, чтобы ты доставляла мне неприятности. А теперь убирайся с моих глаз.

Глава 5

Рин проковыляла к двери. В ее голове снова и снова отдавались эхом слова Цзюня. Мысли затуманились, подкосились ноги и потемнело в глазах. Она осела на землю по каменной стене и прижала колени к груди, а в ушах бешено стучала кровь.

Потом напряжение в груди прорвалось наружу, и Рин впервые после первого знакомства с академией заплакала, закрыв лицо руками, чтобы никто не услышал.

Она плакала от боли. Плакала от стыда. Но самое главное – потому что два долгих года подготовки к кэцзюй ничего не значили. Она на несколько лет отстала от однокурсников в Синегарде. У нее не было опыта в боевых искусствах, тем более никаких унаследованных техник, даже такой дурацкой, как у Нэчжи. Она не тренировалась с детства, как Венка. Не была такой же гениальной, не обладала такой же памятью, как Катай.

Но что еще хуже, она не имела никакой возможности нагнать остальных. Без занятий Цзюня, какими бы изматывающими они ни были, у Рин не было шанса пройти Испытания. Ни один наставник не примет кадета, который не умеет драться. Синегард – это военная академия. Если Рин не сумеет постоять за себя на поле боя, то какой от нее толк?

Наказание Цзюня было равносильно исключению. С ней покончено. Точка. Через год она вернется в Тикани.

Но ведь Нэчжа начал первым.

Чем больше Рин об этом размышляла, тем быстрее отчаяние превращалось в ярость. Нэчжа пытался ее убить. Она оборонялась. Почему ее выкинули из класса, а Нэчжа отделался легким испугом?

Ответ слишком очевиден. Нэчжа из благородной синегардской семьи, сын наместника, а она – деревенская девчонка без кола без двора. Исключение Нэчжи может вызвать неприятности и политически сомнительно. Он – человек важный. Она – нет.

Нет... С ней не имеют права так поступать. Пусть они и считают, что ее можно выкинуть как мусор, но она не будет просто ждать с поджатым хвостом. Она уже стала кем-то. И не станет снова никем.

Дверь тренировочного двора открылась, и курс вышел. Все спешили мимо, делая вид, что ее не замечают. Задержался лишь Катай.

– Цзюнь отойдет, – сказал он.

Рин молча взяла протянутую руку. Вытерла лицо рукавом и хлюпнула носом.

– Я правда так думаю, – сказал Катай и положил руку ей на плечо. – Нэчжу он отстранил только на неделю.

Рин сбросила его руку, дернув плечом и яростно вытирая глаза.

– Это потому, что Нэчжа родился в рубашке. Нэчже сойдет это с рук, потому что его отец половину академии держит за яйца. Нэчжа из Синегарда, и потому он особенный, и его место здесь.

– Да брось, здесь и твое место, ведь ты сдала кэцзюй...

– Кэцзюй ничего не значит, – язвительно произнесла Рин. – Это просто уловка, чтобы необразованные крестьяне знали свое место. Даже если ты и сдашь кэцзюй, все равно найдется способ тебя исключить. Кэцзюй затуманивает зрение низшим классам. Заставляет мечтать. Это не лестница наверх, это способ держать людей вроде меня там, где они родились. Кэцзюй – это наркотик.

– Это неправда, Рин.

– Нет, правда! – Она врезала кулаком по стене. – Но от меня так просто не избавиться. Я не позволю. Не позволю.

Она внезапно покачнулась. В глазах потемнело, но потом зрение прояснилось.

– Великая черепаха! – сказал Катай. – Ты как себя чувствуешь?

Рин развернулась к нему.

– О чем это ты?

– Ты вся взмокла.

Взмокла? Ничего подобного.

– Со мной все в порядке, – сказала она.

Голос звучал слишком громко, звенел в ушах. Она что, кричит?

– Успокойся, Рин.

– Я спокойна! Совершенно спокойна!

Даже и близко не так. Ей хотелось что-нибудь ударить. На кого-нибудь наорать. Ярость накатывала на нее жаркой волной.

А потом живот пронзила боль, как будто Рин пырнули ножом. Она резко вдохнула и схватилась за пояс. Кишки словно терзали зазубренным камнем.

Катай схватил ее за плечи.

– Рин? Рин?

Ее затошнило. Может, удары Нэчжи повредили что-то внутри?

Потрясающе. Тебя унизили и покалечили. То ли еще будет, когда они увидят, как ты хромаешь в класс. Нэчжа будет в восторге.

Она оттолкнула Катая.

– Мне не нужно... Оставь меня в покое!

– Но ты же...

– Я в норме!

Ночью Рин проснулась от липкого стыда.

Штаны пижамы холодили кожу – так бывало, когда в детстве она писалась во сне. Однако ноги были липкими, явно не от мочи. С колотящимся сердцем Рин встала с кровати и трясущимися пальцами зажгла лампу.

Она посмотрела на свои ноги и чуть не закричала. При свечах повсюду стали видны алые лужицы. Рин была вся в крови.

Она постаралась утихомирить панику, заставить вялый разум мыслить рационально. Она не чувствовала резкой боли, только сильный дискомфорт и огромное раздражение. Ее не порезали. Внутренние органы никак не могли быть задеты. Тут по ногам потекла новая струйка крови, и мокрыми пальцами Рин обнаружила ее источник.

И тогда остался только стыд.

Снова лечь спать она не могла. Она вытерлась еще не заляпанной кровью куском простыни, засунула между ног лоскут ткани и выбежала из общежития, чтобы добраться до лазарета, прежде чем проснутся все остальные.

Потная и окровавленная, Рин добежала до лазарета, находясь на грани нервного срыва. Дежурный лекарь взглянул на нее и вызвал женщину-помощницу.

– Оно самое, – сказал он.

– Конечно.

Помощница выглядела так, будто изо всех сил сдерживает смех. Рин же не видела в ситуации ничего смешного.

Помощница отвела Рин за ширму, вручила ей сменную одежду и полотенце, а потом усадила перед детальным изображением женского тела.

До этого утра Рин ничего не слышала о менструации, что, вероятно, свидетельствовало о недостатке сексуального образования в Тикани. За пятнадцать минут помощница лекаря в подробностях объяснила изменения, происходящие с телом Рин, и показала на изображении несколько мест, выразительно жестикулируя.

– Ты не умираешь, милая, твое тело просто избавляется от маточной оболочки.
Рин целую минуту не могла закрыть рот.

– Что за...

В спальню она вернулась с привязанным под трусами неудобным поясом и с носком, наполненным подогретым сырым рисом. Носок она приложила к низу живота, чтобы уменьшить боль, но спазмы были такими сильными, что она не могла вылезти из постели до начала занятий.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила Нянь.

– Нет, – пробормотала Рин. – Все нормально. Иди.

Целый день она провалялась в постели, встревожив весь класс своим отсутствием.

«Все будет хорошо». Рин снова и снова твердила это себе, чтобы не удариться в панику. Один пропущенный день погоды не сделает. Ученики постоянно болеют. Катай даст ей свои записи, если попросить. Уж конечно, она нагонит.

Но ведь это будет происходить каждый месяц. Каждый проклятый месяц матка будет разрываться на куски, рассылая вспышки ярости по всему телу, превращая ее в раздувшееся, неуклюжее, а хуже всего – слабое существо. Неудивительно, что женщины редко задерживаются в Синегарде.

Нужно решить эту проблему.

Если бы это не было так неловко. Ей нужна помощь. У Венки, похоже, уже начались месячные. Но Рин скорее умерла бы, чем спросила, как та с этим справляется. И тогда однажды вечером, когда Нянь и Венка уже заснули, Рин прошептала свои вопросы Куриль.

Куриль громко рассмеялась в темноте.

– Просто ходи с поясом на занятия. Ты привыкнешь к спазмам.

– И как часто мне нужно менять пояс? А если он протечет на занятиях? Если я запачкаю форму? Если кто-то заметит?

– Успокойся, – сказала Куриль. – Поначалу тяжело, но потом привыкнешь. Следи за своим циклом, и тогда будешь знать, когда начнутся очередные месячные.

Рин хотела услышать не это.

– А есть способ навсегда это прекратить?

– Нет, если ты не вырежешь матку, – хмыкнула Куриль, но потом помолчала и посмотрела на Рин. – Я шучу. Это невозможно.

– Это возможно, – тихо вмешалась Арда, кадет-медик. – Эту процедуру часто предлагают в лазарете. В твоем возрасте даже резать не потребуются. Тебе дадут снадобье. Оно навсегда прекратит этот процесс.

– Правда? – В груди у Рин вспыхнула надежда. Она переводила взгляд с Куриль на Арду. – И что же вам мешает это сделать?

Обе с недоумением уставились на нее.

– Это уничтожит твою матку, – наконец сказала Арда. – Уничтожит один из твоих внутренних органов. После этого ты не сможешь завести детей.

– И боль дикая, – добавила Куриль. – Оно того не стоит.

«Но я и не хочу детей, – подумала Рин. – Я хочу остаться здесь».

Если процедура прекратит менструации, если поможет остаться в Синегарде, она того стоит.

Как только кровотечение закончилось, Рин вернулась в лазарет и сказала лекарю, чего хочет. Он не стал спорить, даже как будто обрадовался.

– Я годами пытаюсь убедить здешних девочек это сделать, – сказал он. – Никто не хочет слушать. Неудивительно, что немногие из вас остаются после первого курса. Нужно сделать процедуру обязательной.

Он скрылся в задней комнате, чтобы смешать нужные снадобья. Через десять минут лекарь вернулся с дымящейся чашкой.

– Выпей.

Рин взяла чашку. Фарфор был темным, так что цвет жидкости не определить. Интересно, почувствует ли она что-нибудь? Это ведь важно, да? У нее не будет детей. После этого никто на ней не женится. А какое это имеет значение?

Никакого. Если бы она хотела растолстеть, воспитывая визжащих отпрысков, то осталась бы в Тикани. Она приехала в Синегард, чтобы избежать такого будущего. Так стоит ли колебаться?

Рин пытался найти в себе хоть каплю сожалений. Ни единой. Она ничего не чувствовала, как в тот день, когда покидала Тикани, глядя, как пыльный городишко скрывается вдаль.

– Будет больно, – предупредил лекарь. – Куда больнее, чем при месячных. За несколько часов твоя матка разрушится. После этого она перестанет выполнять свои функции. Когда твое тело полностью повзрослеет, можешь сделать операцию и полностью удалить матку, но пока что это решит твои проблемы. После этого ты неделю не будешь посещать занятия. Но потом навсегда станешь свободной. А сейчас мне положено спросить еще раз: уверена ли ты, что этого хочешь?

– Уверена.

Рин не хотела больше об этом раздумывать. Она задержала дыхание и поднесла чашку к губам, поморщившись от вкуса.

Лекарь добавил меда, чтобы замаскировать горечь, но это только сделало вкус ужаснее. На вкус жидкость была как запах опиума. Рин пришлось сделать несколько глотков, чтобы осушить всю чашку. После этого живот онемел, раздулся и стал каким-то резиновым. Через несколько минут внизу живота защеколало, как будто кто-то колет ее крохотными иглами изнутри.

– Возвращайся в комнату, пока не началась боль, – посоветовал лекарь. – Я скажу наставникам, что ты больна. Вечером тебя навестит медсестра. Ты вряд ли захочешь есть, но на всякий случай я попрошу кого-нибудь из твоих однокурсников принести тебе что-нибудь.

Рин поблагодарила его и, шатаясь, вернулась в комнату, прижимая руки к животу. Щекотка переросла в острую боль, охватившую всю нижнюю половину тела. Рин словно проглотила нож, и теперь он медленно проворачивается внутри.

Кто-то помог ей добраться до кровати.

«Боль – это всего лишь сообщение, – твердила она себе. – Можно ее не замечать. Можно... Можно...»

Боль была кошмарной. Рин не могла удержаться от стонов.

Она не спала, скорее, лежала, как оглушенная. В беспомощности ворочалась на простынях, ей грезились нерожденные дети и Тоби, погружающий пять когтей ей в живот.

– Рин. Рин?

Над ней кто-то склонился. Нянь с деревянной миской.

– Принесла тебе тыквенного супа.

Нянь опустила на колени рядом и поднесла миску к лицу Рин.

Рин понюхала. Желудок болезненно сжался.

– Не хочется, – еле слышно выговорила она.

– А еще успокоительное. – Нянь протянула чашку. – Лекарь сказал, что ты можешь его принять, но это необязательно.

– Ты что, шутишь? Дай сюда.

Рин схватила чашку и жадно ее опустошила. Голова тут же поплыла. Комната затуманилась. Боль в животе исчезла. А потом что-то поднялось из горла. Рин склонилась над краем кровати, и ее вырвало в стоящий внизу горшок. Фарфор забрызгала кровь.

С безумным удовлетворением Рин посмотрела на горшок. Уж лучше избавляться от крови таким способом – разом, чем медленно, каждый месяц, и так годами.

Ее еще рвало, когда Рин услышала, как открывается дверь.

Кто-то вошел и замер перед ней.

– Ты больна, – сказала Венка.

Рин взглянула на нее с окровавленным ртом и улыбнулась.

Четыре дня Рин провела в постели, в забытии, пока наконец не вернулась к занятиям. Когда она вытащила себя из постели, вопреки увещаниям Нянь и лекаря, Рин обнаружила, что безнадежно отстала.

Она пропустила всю тему спряжения мугенских глаголов, главу о смерти Красного императора по Истории, анализ географических прогнозов Сунь-цзы по Стратегии и объяснения о том, как ставить шину по Медицине. Она не ожидала снисхождения от наставников, да и не получила их.

Наставники обращались с ней так, будто она пропустила занятия по своей вине. Так оно и было. У Рин не было оправданий, ей лишь пришлось смириться с последствиями.

Она не могла ответить ни на один вопрос наставника, когда ее вызывали. Занимала последнее место на всех экзаменах. Рин не жаловалась. Всю неделю она молча терпела снисходительный тон наставников.

Удивительно, но это ее не обескуражило, скорее, избавило от пелены на глазах. Первые недели в Синегарде прошли как во сне. Слепленная великолепием города и академии, Рин позволила себе грезить.

Теперь ей болезненно напомнили, что она здесь не навсегда.

Кэцзюй ничего не значит. На кэцзюй проверяли ее способности повторить наизусть поэму, как попугай. С чего она вообще вообразила, что способна подготовиться к академии Синегарда?

Но если кэцзюй ее чему-то и научил, так это тому, что цена успеха – боль.

А Рин давно уже не жгла свою кожу.

Она привыкла к академии. Разленилась. Упустила из виду, что стоит на кону. Ей нужно было напомнить, что она никто, что ее мигом могут отправить обратно. И какой бы несчастной она ни чувствовала себя в Синегарде, в Тикани было бы куда хуже.

Вот он смотрит на тебя и облизывает губы. Ведет тебя в постель. Сует руку между ног. Ты кричишь, но никто не слышит.

Она останется здесь. Останется в Синегарде, даже если при этом погибнет.

Рин погрузилась в учебу. Занятия превратились в боевые действия, каждая тема – сражение. Каждая поднятая рука и домашняя работа. Рин состязалась с Нэчжой, Венкой и всеми остальными синегардцами. Придется доказать, что она достойна здесь учиться, что заслужила это.

Ей нужен был жестокий удар, чтобы напомнить – она не такая, как синегардцы, в детстве она не научилось бегло говорить на гесперианском, не знакома со структурой командования имперского ополчения, не знает, как свои пять пальцев, каковы политические отношения между двенадцатью наместниками. Синегардцы впитали эти знания с детства. Рин придется их развить.

Каждый час, который она проводила не в классе, Рин занималась в архиве. Она вслух читала нужные книги, ощупывая языком незнакомый синегардский диалект, пока не искоришила все намеки на протяжный южный акцент.

Она снова начала прижигать кожу. Боль приносила успокоение – она была такой утешающе знакомой. Рин давно привыкла к тому, что ради успеха нужно идти на жертвы. А жертвы означают боль. Боль означает успех.

Рин перестала спать. В классе она садилась в первый ряд, чтобы не задремать. Голова постоянно разламывалась. Чуть ли не до тошноты. Рин перестала есть.

Выглядела она жалко. Но все возможные варианты были ужасны. Она могла убежать. Могла сесть на лодку и уплыть в другой город. Могла возить опиум для другого контрабандиста. Могла вернуться в Тикани, если до такого дойдет, выйти замуж и надеяться, что никто не узнает о том, что она не может иметь детей.

Но теперешние несчастья были даже приятными, они доставляли ей удовольствие, ведь она сама их выбрала.

Через месяц Рин лучше всех сдала очередной экзамен по Лингвистике у Цзимы. Она опередила Нэчжу на два балла. Когда Цзима объявила пятерку лучших, Рин радостно подпрыгнула.

Всю ночь она зубрила спряжение гесперианских глаголов, крайне запутанное. В современном гесперианском не было ни ритма, ни смысла. Правила совершенно произвольны, произношение хаотично и полно исключений.

Она не могла разобраться в гесперианском, и потому просто запомнила его, как запоминала все непонятное.

– Хорошо, – ледяным тоном сказала Цзима, протянув экзаменационный свиток.

Рин поразилась, насколько хорошо себя чувствует от этого «хорошо».

Она обнаружила, что похвала наставников наполняет ее энергией. Похвала означала подтверждение, что Рин не пустое место. Она может быть блестящей ученицей, достойной внимания. Она обожала похвалы, лелеяла их, нуждалась в них и испытывала облегчение, только когда их слышала.

А еще она поняла, что похвала для нее – как опиум для наркомана. Стоило ей получить новую дозу лести, и она уже думала, как добыть следующую. Успех доводил ее до экстаза. Неудача была хуже ломки. Хорошие результаты контрольных доставляли только временное облегчение и гордость, Рин испытывала удовольствие несколько часов, а потом ее охватывала паника перед новым экзаменом.

Она так жаждала похвалы, что чувствовала ее каждой косточкой. И в точности как наркоман, готова была пойти на что угодно, лишь бы ее заслужить.

За несколько недель Рин локтями проторила себе путь из нижних строчек успеваемости до самых верхних по каждому предмету. Она постоянно состязалась с Нэчжой и Венкой за самые высокие оценки почти по каждому предмету. В классе Лингвистики теперь она была второй после Катая.

В особенности ей нравились занятия по Стратегии.

Наставник Ирцзах с седыми усами был единственным, кто принципиально не полагался на зубрежку. Он заставлял студентов решать логические задачи. Заставлял давать определения тому, что они принимали как должное – например, что такое преимущество, победа и война. Им приходилось давать точные и четкие ответы. Ирцзах не принимал ответы, сформулированные так, что допускали несколько интерпретаций. Он развивал мышление студентов, сначала разбивая логические предубеждения, а затем собирая их по кусочку.

Он редко кого-то хвалил, но когда хвалил, то так, что слышал каждый в классе. Именно его похвалы больше всего жаждала Рин.

Когда они завершали изучение «Искусства войны» Сунь-цзы, оставшуюся половину урока Ирцзах предлагал придумать, как выбраться из затруднений в гипотетических боевых ситуациях. Иногда все заключалось только в логистике («Рассчитайте, сколько времени и сколько поставок потребуется, чтобы перевести армию через пролив»). Иногда он рисовал карты, символами указывая, с какими войсками придется иметь дело, и велел разработать план сражения.

– Вы застряли за рекой, – сказал Ирцах. – Войска построены на позиции для обстрела с дальних подступов, но в главной колонне закончились стрелы. Как вы поступите?

Большинство студентов предложило устроить налет на обоз с боеприпасами противника. Венка хотела отказаться от обстрела и пойти во фронтальную атаку. Нэчжа решил, что нужно заставить ближайших крестьян за одну ночь изготовить стрелы.

– Нужно собрать у крестьян пугала, – сказал Катай.

– Чего? – фыркнул Нэчжа.

– Пусть говорит, – сказал Ирцах.

– Одеть их в военную форму, закрепить на лодке и послать вниз по течению, – продолжил Катай, не обращая внимания на Нэчжу. – Это гористая местность с сильными осадками. Можно предположить, что недавно шел дождь, а значит, стоит туман. Враги не смогут четко разглядеть реку. Их лучники примут пугал за солдат и будут обстреливать их, пока те не начнут напоминать подушки для игл. Тогда мы пошлем людей вниз по течению собрать стрелы. Используем вражеские стрелы, чтобы убивать врагов.

Катай победил.

В другой день Ирцах показал им карту гористого региона Удан, два красных креста отмечали два батальона Федерации, заперших никанскую армию с обоих концов лоцины.

– Вы заперты в ловушке в этой долине. Крестьяне в основном сбежали, но генерал Федерации держит в заложниках целую школу. Он говорит, что освободит детей, если ваши батальоны сдадутся. Каков будет ваш ответ?

Они долго рассматривали карту. У никанских войск не было ни преимуществ, ни легкого пути к отступлению.

Ситуация озадачила даже Катая.

– Попробовать атаку по левому флангу? – предложил он. – Освободить детей, пока враги озабочены боем с партизанами?

– Они стоят на возвышенности, – сказал Ирцах. – И перестреляют вас прежде, чем вы успеете обнажить оружие.

– Поджечь долину, – рискнула Венка. – Отвлечь их дымом?

– Хороший способ спалить заживо и себя, – фыркнул Ирцах. – Помните, вы не на возвышенности.

Рин подняла руку:

– Отрезать вторую армию и прорваться к плотине. Взорвать плотину. Затопить долину. И пусть все в ней утонут.

Однокурсники в ужасе уставились на нее.

– Забудьте про детей, – сказала она. – Их невозможно спасти.

Нэчжа расхохотался.

– Мы пытаемся победить, идиотка.

Ирцах жестом велел Нэчже замолчать.

– Рунин. Раскрой свою мысль.

– Победы не добиться в любом случае, – ответила Рин. – Но если цена так высока, я бы использовала все шансы. Так враги тоже погибнут, а мы потеряем только половину армии. Сунь-цзы пишет, что сражения происходят не сами по себе. Это всего лишь маленький шаг в огромной схеме войны. Цифры, которые вы нам дали, показывают, что батальоны Федерации многочисленны. Могу предположить, что они составляют немалую часть армии. И если мы пожертвуем своими войсками, то уменьшим преимущество врагов во всех последующих сражениях.

– Ты предпочтешь уничтожить собственных людей, чем позволить вражеской армии уйти?

– Уничтожить и позволить умереть – не совсем одно и то же, – возразила Рин.

– Это все равно потери.

Рин покачала головой.

– Нельзя позволить врагу уйти, если он представляет собой угрозу в дальнейшем. Нужно от него избавиться. Если враги продвинулись так далеко вглубь страны, они почти всю ее уже изучили. Они имеют географическое преимущество. Это наш единственный шанс уничтожить главную ударную силу врага.

– Сунь-цзы говорил, что врагу всегда нужно давать путь к отступлению, – сказал Ирцзах.

Рин втайне считала этот принцип Сунь-цзы глупейшим, но поспешила привести контр-аргумент:

– Но Сунь-цзы не говорил, что нужно позволить врагу воспользоваться этим путем. Враг просто должен считать положение менее угрожающим, чем есть на самом деле, чтобы не отчаялся и не устроил какую-нибудь ненужную обеим сторонам глупость. – Рин ненадолго задумалась. – Думаю, они могут попытаться спастись вплавь.

– Она предлагает уничтожить несколько поселений! – возмутилась Венка. – Нельзя так просто взять и разрушить плотину. Ее придется восстанавливать несколько лет. Затопит всю дельту реки, не только долину. Ты говоришь о голоде. Дизентерии. Ты подорвешь сельское хозяйство всего региона, создашь проблемы, от которых люди будут страдать десятилетиями...

– Проблемы можно решить, – упрямо напирала Рин. – А ты что предлагаешь, позволить Федерации беспрепятственно пройти в самое сердце Никана? Много же пользы тебе принесет сельское хозяйство, когда полстраны будет оккупировано. Ты преподнесешь им всю страну на блюдечке.

– Хватит, хватит. – Ирцзах хлопнул по столу, чтобы их остановить. – Сегодня никто не выиграл. Свободны. Рунин, на пару слов в мой кабинет.

– Где ты нашла этот ответ? – Ирцзах поднял свиток.

Рин узнала свои каракули.

На прошлой неделе Ирцзах велел им написать, как выпутаться из еще одного сложного положения. Предполагалось, что ополчение потеряло народную поддержку в войне против Федерации. Оно не может рассчитывать, что крестьяне будут снабжать его провизией и фуражом для лошадей, может размещать солдат в крестьянских домах только силой. Периодические восстания в сельских регионах и в самом деле добавляли сложностей в передвижения войск.

Рин предложила сжечь малозначительную островную деревушку.

Проблема заключалась в том, что остров принадлежал империи.

– На первом занятии у Йима мы говорили о том, что Вторая опиумная война закончилась из-за потери Спира, – ответила она.

Ирцзах нахмурился.

– Твое сочинение основано на спирской резне?

Она кивнула.

– Потеря Спира во Второй опиумной войне подстегнула Гесперию, которая не хотела дальнейшей экспансии Мугена на континент. Думаю, уничтожение другого малозначительного острова может сыграть ту же роль для населения Никана, убедить людей, что настоящий враг – это Муген. Напомнить, в чем заключается угроза.

– Войска ополчения, напавшие на провинцию империи, явно пошлют другой сигнал, – возразил Ирцзах.

– Никто не узнает, что это было ополчение. Мы представим так, будто это сделал мугенский эскадрон. Наверное, мне стоило яснее выразиться в сочинении. Конечно, лучше, если Муген сам нападет на остров, но нельзя полагаться на удачу.

Внимательно глядя на сочинение Рин, Ирцзах медленно кивнул.

– Жестоко. Жестоко, но умно. Думаешь, именно это и произошло?

Она не сразу поняла вопрос.

– В этой гипотетической ситуации или во время Опиумной войны?

– Во время Опиумной войны.

Ирцзах склонил голову, пристально глядя на Рин.

– Я не уверена, что этого не произошло, – сказала она. – Многое указывает на то, что нападению на Спир позволили закончиться успешно.

Выражение лица Ирцзаха ничего не выдавало, но пальцы задумчиво отстукивали по деревянному столу.

– Объяснись.

– Трудно поверить, что сильнейшую часть ополчения так легко удалось уничтожить.

А кроме того, оборона острова была подозрительно слабой.

– И что ты предполагаешь?

– Я не уверена, но кажется, что... В общем, может, кто-то изнутри, какой-то никанский генерал или еще кто-то осведомленный, знал о готовящейся атаке на Спир, но никого не предупредил.

– И с чего бы нам хотеть потери Спира? – тихо поинтересовался Ирцзах.

Рин задумалась, чтобы сформулировать внятный аргумент.

– Может, они знали, что Гесперия этого не потерпит. Может, хотели получить народную поддержку и оттянуть людей из «Красной джонки». Или нам нужна была жертва, а Спиром можно было пожертвовать в отличие от других провинций. Мы не могли допустить гибели никанцев. Но спирцы – совсем другое дело.

Начав говорить, она цеплялась за соломинку, но стоило это произнести, и ответ оказался поразительно правдоподобным.

Ирцзах явно смутился.

– Ты должна понимать, что это очень неприятная часть никанской истории, – сказал он. – То, как обошлись со спирцами... весьма прискорбно. Империя годами их использовала и эксплуатировала. На воинов-спирцев смотрели как на злобных псов, не более. Как на дикарей. До того как в Синегард приехал учиться Алтан, я не думал, что кто-то из спирцев способен утонченно мыслить. В Никане не любят говорить о Спира, и тому есть причина.

– Да, наставник. Это всего лишь теория.

– Ну ладно. – Ирцзах откинулся на стуле. – Это не все, что я хотел обсудить. Твоя стратегия в долине отвечала целям задания, но хороший правитель никогда не отдаст таких приказов. А знаешь почему?

Она на мгновение задумалась.

– Я спутала тактику со стратегией, – наконец сказала Рин.

Ирцзах кивнул.

– Раскрой свою мысль.

– Тактика сработала бы. Мы даже могли бы выиграть войну. Но никакой правитель не выберет этот вариант, потому что тогда страна развалится. Моя тактика не обеспечивает мира.

– Почему? – напирал Ирцзах.

– Венка была права насчет уничтожения сельскохозяйственного региона. Никан несколько лет будет страдать от голода. Повсюду возникнут восстания вроде «Оперы красной джонки». Люди решат, что в голоде виновата императрица. Если мы прибегнем к моей стратегии, может начаться гражданская война.

– Хорошо, – сказал Ирцзах и поднял брови. – Очень хорошо. Ты удивительно талантлива. Рин попыталась скрыть свою радость, но по телу растеклось тепло.

– Если ты преуспеешь на Испытаниях, то можешь стать моим кадетом.

В других обстоятельствах его слова привели бы Рин в восторг. Она выдавила улыбку.

– Не уверена, что у меня это получится, наставник.

Он сдвинул брови.

– Почему это?

– Наставник Цзюнь выкинул меня из своего класса. Вероятно, я не пройду Испытания.

– Как такое могло случиться? – удивился Ирцзах.

Она рассказала о последней кошмарной тренировке у Цзюня, не попытавшись приукрасить историю.

– Нэчжу он отстранил временно, а мне запретил возвращаться.

– Ясно, – нахмурился Ирцзах. – Цзюнь наказал тебя не за потасовку. Тоби и Алтан и не так дрались в первый год. Он наказал тебя, потому что перевозносит академию и считает, что не стоит тратить время на того, кто не происходит из семьи наместника. Но не обращай внимания на Цзюня. Ты умна и быстро все нагонишь.

Рин покачала головой.

– Это не сыграет роли. Он не пустит меня обратно.

– Что?! – разъярился Ирцзах. – Но это же нелепо! А Цзима в курсе?

– Цзима не может вмешаться в то, что касается боевых искусств. Или не хочет. Я спрашивала. – Рин встала. – Спасибо, что уделили мне время, наставник. Если я пройду Испытания, то почту за честь учиться у вас.

– Ты найдешь способ, – сказал Ирцзах и подмигнул. – Сунь-цзы бы нашел.

Рин не была полностью откровенна с Ирцзахом. Он прав – она найдет способ.

Начнем с того, что она и не бросала заниматься боевыми искусствами.

Цзюнь выгнал ее из своего класса, но не из библиотеки. В Синегарде хранилась целая сокровищница книг по боевым искусствам, самое крупное собрание в империи. Под рукой у Рин находились секреты всех семейных техник, за исключением тех, которые всячески охранялись, как, например, техника семьи Инь.

Копаясь в архивах, Рин обнаружила, что литература всесторонне освещает боевые искусства, но обескураживающе запутанна. Рин выяснила, что боевые искусства связаны с происхождением – разные стили практикуют в разных семьях, ученики одного наставника используют похожие техники. Очень часто школы раздражает соперничество, так что и техники в результате развиваются независимо.

История боевых искусств была крайне интересна, почти как роман. Но практика оказалась дьявольски сложной. По большей части книги были написаны слишком сжато, чтобы использовать их как учебники. Предполагалось, что ученик читает книгу вместе с наставником, который покажет ему технику. В других книгах на многих страницах описывались техники дыхания и философия определенной школы, и только время от времени упоминались удары.

– Не хочу я читать о равновесии во вселенной, – проворчала Рин, отбрасывая уже, наверное, сотый текст. – Я хочу узнать, как побить соперника.

Она попыталась попросить кадетов о помощи.

– Прости, – сказала Куриль, отводя взгляд. – Цзюнь запретил обучение первокурсников вне тренировочных залов.

Рин сомневалась, что это правда, но должна была и сама сообразить – не стоит просить помощи у кадетов Цзюня.

Просить Арду тоже бессмысленно – она все время проводила в лечебнице с Энро и не возвращалась в общежитие до полуночи.

Рин придется всему научиться самостоятельно.

Через полтора месяца она наконец нашла кладезь информации в текстах Ха Сээцзиня, квартирмейстера времен Красного императора. Учебники Сээцзиня были снабжены прекрасными иллюстрациями, детальными описаниями и четкими диаграммами.

Рин с восторгом листала страницы. Вот оно. Именно это ей и нужно.

– Ты не можешь взять эту книгу, – сказал кадет за стойкой.

– Почему?

– Она с запретных полок, – ответил кадет, как будто это нечто само собой разумеющееся. – Первокурсники не имеют к ним доступа.

– Ох. Прости. Я верну ее на место.

Рин пошла вглубь библиотеки. Оглядевшись и убедившись, что никто ее не видит, она запахнула том под рубашку. Потом развернулась и вышла.

Рин училась в одиночестве, с книгой в руках. Научилась кулачному бою, представляя вращающийся шар в руках, чтобы двигаться правильно. Научилась крепко стоять на ногах, чтобы ее не могли сбить, даже противник, весящий в два раза больше. Научилась держать большой палец поверх кулака, всегда защищать лицо и быстро, но плавно смещать точку равновесия.

У нее неплохо получалось избивать неподвижные предметы.

Она регулярно посещала состязания на ринге. Приходила в подвал пораньше и занимала место у ограждения, чтобы не пропустить ни единого удара или броска. Она надеялась, что, глядя на кадетов, скопирует их технику.

Это и впрямь помогло – в какой-то степени. Тщательно рассматривая движения кадетов, Рин научилась верно рассчитывать время и позицию для разных техник. Когда ударять, когда уклоняться, когда кататься по земле, чтобы избежать... нет, погодите-ка, это была случайность, Цзиха просто споткнулся. У Рин не было мышечной памяти после спарринга, так что приходилось удерживать все в голове. Но лучше хоть какие-то тренировки, чем никаких.

А еще она посещала состязания, чтобы посмотреть на Алтана.

Рин солгала бы себе, не признав, что, глядя на него, получает огромное эстетическое удовольствие. Гибкий и мускулистый Алтан с точеными скулами был бесспорно красив.

Но еще он был образцом хорошей техники. Алтан вел себя в точности так, как рекомендовалось в книге Сээцзиня. Никогда не забывал про защиту, никогда не открывался, никогда не ослаблял внимания. Никогда не показывал, как будет двигаться, не скакал хаотично и не опускался на пятки, а значит, соперник не мог понять, когда Алтан собирается ударить. Он всегда нападал сбоку, а не в лоб.

Поначалу Рин считала Алтана просто хорошим и сильным бойцом. А теперь понимала, что он во всех смыслах гений. Его техника была пособием по тригонометрии, прекрасной композицией из траекторий и отраженных сил. Он всегда побеждал, потому что превосходно контролировал дистанцию и вращения. Он превратил математику боя в науку.

Он дрался часто. В течение семестра все больше кадетов бросали ему вызов – казалось, каждый ученик Цзюня хотел его одолеть.

До начала зимы Рин побывала на двадцати трех состязаниях с участием Алтана. Он ни разу не проиграл.

Глава 6

В Синегарде наступила мстительная зима. Студенты наслаждались последним солнечным днем осени, а на следующее утро обнаружили холодное покрывало снега, укутавшее академию. Снег было приятно созерцать две безмятежные минуты. Потом он превратился в занозу в заднице.

На всей территории они рисковали переломать ноги – ручки замерзли, лестницы стали предательски скользкими. Все занятия теперь проходили в помещении. Первокурсникам поручили разбрасывать соль по каменным тропам, чтобы таял снег, но из-за скользких дорожек все равно возник поток студентов в лазарет.

Холод стал последней надеждой для тех, кто регулярно навещался в сад в ожидании, что Цзян все-таки появится и начнет занятия по Наследию. Но одно дело дожидаться в наркотическом саду вечно отсутствующего наставника, а совсем другое – делать это в мороз.

За несколько месяцев с начала семестра Цзян так ни разу и не появился. Студенты иногда наталкивались на него на территории академии – он занимался всякими пакостями. Выбил поднос с обедом из рук Нэчи и удалился, насвистывая, шлепнул Катая по затылку, гукая как голубь, и попытался отрезать Венке волосы садовыми ножницами.

Стоило какому-нибудь студенту настигнуть его и спросить о занятиях, Цзян громко фыр-кал и сбежал.

Только Рин часто посещала сад Наследия, но лишь потому, что это было удобное место для тренировок. Раз остальные первокурсники с презрением избегали сада, здесь она гарантированно находилась в одиночестве.

Она радовалась, что никто не видит, как она трудится над текстом Сээцзиня. Основы она усвоила без труда, но уже вторая фигура оказалась дьявольски сложной.

Сээцинзь обожал быструю работу ногами. И теперь диаграммы подвели Рин. На каждом рисунке ноги изображались под разными углами. Сээцинзь писал, что если боец сумеет выпутаться из неуклюжей позиции, то, как бы близко он ни был к падению, он найдет равновесие, а значит, получит преимущество.

Теоретически звучало хорошо. На практике же это означало множество падений.

Сээцинзь рекомендовал ученикам практиковаться в первой фигуре на высоте, желательно на толстой ветке дерева или на стене. Рин с опаской залезла на большую иву, нависшую над садом, и приставила ноги к коре.

Несмотря на отсутствие Цзяна в течение всего семестра, сад находился в безупречном состоянии. Пестрый и яркий калейдоскоп, напоминающий бордели Тикани. Даже на холоде высаженные аккуратными рядами фиолетовые и алые маки были в полном цвету. Кактусы уже в два раза увеличились в размерах и теперь росли в новых глиняных горшках, раскрашенных странными черно-оранжевыми узорами. Под стеллажами все так же переливались слегка раздражающим сиянием светящиеся грибы, похожие на сказочные фонарики.

Рин предположила, что опиумный наркоман проводил бы здесь все дни напролет. Интересно, относится ли это к Цзяну?

Осторожно устроившись на иве, она попыталась встать на суровом ветру, да еще и с книгой в руке, бормоча себе под нос, куда ставить ноги.

– Вытянуть правую ногу вперед. Левую отвести назад, перпендикулярно прямой линии правой. Перенести вес вперед, поднять левую ногу...

Она поняла, почему Сээцинзь считал это хорошей тренировкой чувства равновесия. А еще поняла, отчего он настоятельно не рекомендовал тренироваться в одиночестве. Она несколько раз опасно качнулась и восстановила равновесие лишь через несколько останавлива-

ющих сердце мгновений, отчаянно молотя руками в воздухе. Успокойся. Сосредоточься. Поднять правую ногу, повернуть...

Из-за угла появился наставник Цзян, громко насвистывая «Прикосновения Стража».

Правая нога Рин соскользнула. Рин покачнулась, выпустив из рук книгу, и свалилась бы на каменный пол, если бы левая лодыжка не застряла между двумя ветками.

Она оказалась всего в нескольких дюймах от пола и громко выдохнула от облегчения.

Цзян молча уставился на нее. Рин тоже посмотрела на него, кровь прилила к вискам, в голове шумело. Завывающий ветер унес последние ноты его песенки.

– Здравствуй, – наконец произнес он. Голос соответствовал поведению – безмятежный и расслабленный, но полный любопытства. В любых других обстоятельствах он мог бы подействовать успокаивающе.

Рин не слишком элегантно попыталась подтянуться наверх.

– Ты там как? – спросил он.

– Я застряла, – пробормотала она.

– Хм... Похоже на то.

Цзян явно не собирался ей помогать. Рин выдернула лодыжку из развилки и мешком приземлилась у ног Цзяна. С пылающими щеками она поднялась на ноги и смахнула с одежды снег.

– Элегантно, – заметил Цзян.

Он сильно наклонил голову влево, изучая Рин, словно прелюбопытный экспонат. Вблизи Цзян выглядел еще более странным. Лицо – полнейшая загадка – и не изрезано морщинами, и не пышет юностью, скорее, нечто неподвластное времени, как гладкий камень. Глаза такого бледно-голубого цвета Рин не видела ни у одного человека в империи.

– А ты смелая, – сказал он, словно подавив смех. – И часто ты висишь на деревьях?

– Вы меня напугали, наставник.

– Фух. – Он надул щеки и выдохнул, как ребенок. – Ты же любимая ученица Ирцзаха, верно?

Рин покраснела.

– Я... В смысле, я не...

– Да-да, она и есть. – Цзян почесал подбородок и подобрал с пола книгу, с любопытством ее полистав. – Смуглое крестьянское чудо, вот кто ты. Он не перестает о тебе болтать.

Рин неловко перетаптывалась, гадая, к чему он клонит. Это что, комплимент? Ей следует его поблагодарить? Она заправила за ухо прядь волос.

– Ммм...

– Ох, только не притворяйся скромницей. Тебе это нравится. – Цзян бросил взгляд на книгу, а потом снова уставился на Рин. – И зачем тебе книга Сээцзиня?

– Нашла ее в архиве.

– Ага. Я отнесу книгу обратно. Ты не смелая, ты просто глупая.

Когда Рин непонимающе уставилась на него, Цзян объяснил:

– Цзюнь запрещает читать Сээцзиня по крайней мере до второго курса.

Она не слышала о таком правиле. Неудивительно, что тот кадет не разрешил ей взять книгу из архива.

– Цзюнь выгнал меня со своих занятий. Я не знала.

– Цзюнь тебя выгнал, – медленно повторил Цзян. Рин не поняла, повеселило ли это его. – Что ж ты ему такого сделала?

– Хм. Ну, в общем, подралась с другим студентом во время спарринга. Он первым начал, – поспешно добавила она. – В смысле, другой студент.

На Цзяна это явно произвело впечатление.

– Глупая и взбалмошная.

Его взгляд блуждал по растениям на полке позади Рин. Цзян обошел ее, поднес к носу цветок мака и понюхал. Потом скорчил рожу. Порылся в глубоких карманах рубахи, выудил ножницы, срезал стебель и отбросил его в кучу в уголке.

Рин стала пробираться к воротам. Может, если уйти сейчас, Цзян забудет о книге.

– Простите, если мне нельзя было сюда приходиться...

– Ты совершенно об этом не сожалешь. Просто раздражена, что кто-то помешал тебе тренироваться, и надеешься, что я уйду, забыв об украденной книге. – Цзян срезал еще один маковый стебель. – А ты отважная. Цзюнь тебя выгнал, и ты решила сама изучить Сээцзиня.

Он с присвистом закричал. Рин не сразу поняла, что это смех.

– Что тут смешного? – спросила она. – Наставник, если вы собираетесь на меня пожаловаться, я просто хочу сказать...

– Нет, я не собираюсь на тебя жаловаться. Какая мне от этого радость? – Он снова захихикал. – Ты и правда пытаешься изучить Сээцзиня по книге? У тебя есть предсмертное желание?

– Не так уж это сложно, – решительно заявила Рин. – Я повторяю то, что нарисовано на картинках.

Цзян снова повернулся к ней с написанным на лице недоверием и весельем. Он открыл книгу, ловко пролистал страницы и остановился на описании первой фигуры. Цзян ткнул книгой в сторону Рин.

– Вот это. Повтори.

Рин подчинилась.

Фигура была сложная, с большим числом перемещений и шагов. Рин повторяла их с закрытыми глазами. Рядом с сияющими грибами и яркими кактусами она не могла сосредоточиться.

Когда она открыла глаза, Цзян больше не смеялся.

– Ты и близко не готова к Сээцзиню, – сказал он и захлопнул книгу ладонью. – Цзюнь был прав. На твоём уровне нельзя даже дотрагиваться до этой книги.

По Рин прокатилась волна паники. Если она не сумеет воспользоваться учебником Сээцзиня, то может отправляться в Тикани хоть прямо сейчас. Остальные книги и вполнину не так полезны и ясны.

– Тебе помогут кое-какие движения, основанные на поведении животных, – продолжил Цзян. – Работа Иньмэня. Это предшественник Сээцзиня. Слышала о нём?

Рин смущенно посмотрела на него.

– Я искала его книгу. Но она неполная.

– Конечно же, ты не можешь учиться по книгам, – нетерпеливо оборвал ее Цзян. – Обсудим это завтра на занятиях.

– На занятиях? Вас не было целый семестр!

Цзян пожал плечами.

– Не люблю тратить время на первокурсников, которые мне неинтересны.

Рин назвала бы это безответственным подходом к обучению, но ей хотелось, чтобы Цзян продолжал говорить. Сейчас у него был редкий момент просветления, он мог научить ее боевым искусствам, как никогда не сумела бы она сама. Рин боялась, что если скажет что-то не то, то спугнет его, как зайца.

– Так я вам интересна? – медленно спросила она.

– Ты просто ходячая катастрофа, – откровенно высказался Цзян. – Пытаешься освоить запутанные техники с такой скоростью, которая неминуемо приведет к увечьям, и от них ты уже не оправившись. Ты настолько неправильно понимаешь Сээцзиня, что изобрела собственную технику.

Рин нахмурилась.

– Тогда почему вы мне помогаете?

– Главным образом, чтобы насолить Цзюню. – Цзян почесал подбородок. – Терпеть его не могу. Ты в курсе, что на прошлой неделе он пытался добиться моего увольнения?

Рин больше удивило, что Цзюнь не предпринял этого раньше.

– А кроме того, такая упрямца заслуживает внимания, хотя бы чтобы не стала угрозой для всех остальных, – продолжил Цзян. – А знаешь, ногами ты работаешь великолепно.

Рин покраснела.

– Правда?

– Позиция превосходная. Прекрасные углы. – Он вскинул голову. – Конечно, все это бесполезно.

Рин нахмурилась.

– Так, значит, вы не будете меня учить...

– Этого я не сказал. Ты проделала огромную работу, имея лишь учебник, – признал Цзян. – Такого не добились бы и многие кадеты. Проблема в верхней части тела. Прямо скажем, она совсем хилая. – Он схватил Рин за руку и притянул к себе, словно рассматривая манекен. – Такая тощая. Ты разве не крестьянка?

– Не все на юге крестьяне, – огрызнулась Рин. – Я работала в лавке.

– Хм. Не особо тяжелая работа. Значит, ты неженка. Ничего из тебя не выйдет.

Рин скрестила руки на груди.

– Вовсе я не неженка...

– Да-да. – Он поднял руку, прервав Рин. – Это неважно. Важно вот что – не будет проку и от всех техник на свете, если ты не сумеешь поддержать их мускулами. Тебе не нужен Сээцин, дитя. Тебе нужно ци. Мускулы.

– И что вы предлагаете? Делать зарядку?

Цзян задумчиво умолк. А потом просиял.

– Нет. У меня есть идея получше. К завтрашнему занятию приходи к воротам академии. Прежде чем Рин успела ответить, он вышел из сада.

– Ого. – Рабан отложил палочки. – Похоже, ты и правда ему понравилась.

– Он назвал меня глупой и взбалмошной, – ответила Рин. – И велел прийти на занятия.

– Ты определенно ему понравилась, – повторил Рабан. – Цзян ни разу не сказал ничего приятного никому из моих однокурсников. В основном он только орет нам, чтобы не топтали его нарциссы. Куриль он сказал, что ее косы выглядят змеями на затылке.

– Я слышал, на прошлой неделе он напился рисового вина и помочился Цзюню в окно, – вступил в разговор Катай. – Он такой чудной.

– И давно Цзян здесь? – поинтересовалась Рин.

Наставник по Наследию выглядел поразительно юным, почти вдвое моложе Цзюня. Ей не верилось, что другие наставники готовы мириться с таким возмутительным поведением со стороны юнца.

– Точно не знаю. Когда я учился на первом курсе, он уже был здесь, но это ничего не значит. Я слышал, он приехал из Ночной крепости двадцать лет назад.

– Цзян – цыке?

Из всех подразделений ополчения лишь цыке имели дурную репутацию. Они располагались в Ночной крепости, далеко в горах Удан, и служили императрице в качестве наемных убийц. Цыке сражались бесчестно. Они не соблюдали правила поединка и славились жестокостью. Действовали они в темноте, выполняли грязную работу для императрицы и не получали за нее награду. Большинство кадетов предпочло бы покинуть службу, нежели вступить в ряды цыке.

Рин с трудом могла представить эксцентричного наставника по Наследию в качестве закаленного убийцы.

– Ну, это все слухи. Ни один наставник не станет о нем говорить. У меня такое впечатление, что Цзян здесь стыдятся. – Рабан почесал в затылке. – Но кадеты любят сплетничать. Все играют в угадку «Кто такой Цзян». Мои однокурсники убеждены, что это он основал «Оперу красной джонки». Правду исказили столько раз, что достоверно мы знаем о нем только одно – что ничего о нем не знаем.

– У него ведь наверняка были кадеты, – предположила Рин.

– Цзян – наставник по Наследию, – медленно выговорил Рабан, словно общался с ребенком. – Никто не выбирает Наследие.

– Потому что Цзян не берет учеников?

– Потому что Наследие – дурацкая шутка, – сказал Рабан. – Любой другой путь в Синегарде ведет к правительственной должности или командному посту в ополчении. Но Наследие... Даже не знаю... Это странный предмет. Думаю, изначально предполагалось изучение жителей Глухостепи, поиск чего-то существенного в их магических ритуалах, но все быстро потеряли интерес. Насколько я знаю, Йим и Соннен просили Цзиму отменить его занятия, но все равно каждый год он появляется в расписании. Не знаю почему.

– Но ведь наверняка в прошлом были кадеты, изучающие Наследие, – сказал Катай. – И что они говорят?

Рабан пожал плечами.

– Это новая дисциплина, все остальные преподавали со дня основания академии Красным императором, но Наследие – только пару десятилетий, и никто не прошел курс целиком. Я слышал, пару лет назад какие-то бедолаги заглотили наживку, но после выпуска из Синегарда о них никто не слышал. Никто в своем уме не выберет курс Наследия. Алтан – единственное исключение, но никто не знает, что творится у него в голове.

– Я думал, Алтан изучает Стратегию, – сказал Катай.

– Алтан мог выбрать что угодно. Но почему-то прикипел к курсу Наследия, однако потом Цзян изменил решение, и Алтан перешел к Ирцзаху на курс Стратегии.

Рин этого не знала.

– А часто такое случается, чтобы наставников выбирали студенты?

– Очень редко. У большинства из нас и выбора-то нет, лишь особо одаренные имеют два варианта.

– А сколько предложений получил Алтан?

– Шесть. Семь, включая Наследие, но в последний момент Цзян отозвал приглашение.

– Мне просто любопытно, – поспешно добавила Рин.

– Что, ослеплена сиянием нашего красноглазого героя, да? Ты не первая, – усмехнулся Рабан. – Просто будь осторожна. Алтан не слишком любезен с обожателями.

– А какой он? – не могла удержаться от вопроса Рин. – В смысле, как человек?

Рабан пожал плечами.

– После первого года у нас не было совместных занятий. Я плохо его знаю. Да вряд ли кто-то еще знает. Он держится особняком. Неразговорчив. Тренируется в одиночестве и не завел друзей.

– Прямо как одна наша знакомая. – Катай поддел Рин локтем.

– Заткнись, – взвилась она. – У меня есть друзья.

– У тебя есть друг, – поправил ее Катай. – В единственном числе.

Рин дернула Катая за руку.

– Но Алтан так хорош. Во всем. Все его обожают.

Рабан снова пожал плечами.

– Алтан – что-то вроде бога академии. Это не значит, что он счастлив.

Как только разговор коснулся Алтана, Рин позабыла половину вопросов, которые намеревалась задать про Цзяна. Они с Катаем выспрашивали Рабана об Алтане до конца обеденного

перерыва. Вечером она попыталась расспросить Куриль и Арду, но они не рассказали ничего существенного.

– Иногда я встречаю Цзяна в лечебнице, – сказала Арда. – Энро держит для него раскладную койку. Раз в два месяца Цзян остается на пару дней, а потом уходит. Может, он болен. Или просто любит запах дезинфекции, не знаю. Однажды Энро застукал его на попытке нанюхаться снадобий.

– Цзюнь его не любит, – добавила Куриль. – И несложно догадаться почему. Какой еще наставник будет так себя вести? Да еще в Синегарде? – Она возмущенно скривилась. – Он позорит академию. А почему ты спрашиваешь?

– Да просто так, – сказала Рин. – Из любопытства.

Куриль передернула плечами.

– Поначалу им интересуется каждый курс. Все считают, что в Цзяне есть что-то большее, а Наследие – стоящий изучения предмет. Но ничего подобного. Цзян – просто шутка. Потеря времени.

Но наставник по Наследию был реален. Цзян – член совета академии, даже если шатается по территории и раздражает других преподавателей. Никому другому не сошло бы с рук то, как Цзян постоянно задирает Цзюня. Но если Цзян не утруждает себя преподаванием, то что он делает в академии?

На следующий день Рин немного удивилась, увидев Цзяна у ворот академии. С него бы вполне стало просто позабыть о ней. Она уже собиралась спросить, куда они идут, но Цзян махнул ей, приказав следовать за ним.

Видимо, придется привыкнуть к тому, что нужно следовать за Цзяном, не получая никаких объяснений.

Не успели они начать спуск, как наткнулись на Цзюня, возвращающегося из города вместе с группой кадетов.

– Ага, полоумный и деревенщина. – Цзюнь остановился. Кадеты смотрели слегка настороженно, словно уже видели подобную перебранку. – И куда же вы направляетесь в такой прекрасный день?

– Не твое дело, Лоран, – огрызнулся Цзян.

Он попытался обогнуть Цзюня, но тот перегородил дорогу.

– Наставник покидает территорию вместе со студенткой. Интересно, что на это скажут, – прищурился Цзюнь.

– Наверное, что наставник такого ранга и статуса может найти дела и поинтересней, чем якшаться со студентками, – бодро ответил Цзян, глядя на кадетов Цзюня.

Куриль это явно возмутило.

Цзюнь нахмурился.

– У нее нет разрешения покидать территорию. Она должна получить письменное разрешение от Цзимы.

Цзян протянул правую руку и задрал рукав до локтя. Поначалу Рин решила, что он ударит Цзюня, но Цзян лишь поднес локоть к губам и издал такой звук, будто пердит.

– Не похоже на письменное разрешение, – бесстрастно произнес Цзюнь.

Рин подозревала, что это представление уже разыгрывалось неоднократно.

– Я наставник по Наследию, – сказал Цзян. – А это означает кое-какие привилегии.

– Например, привилегию ничему не учить?

Цзян вздернул подбородок и важно заявил:

– Я научил ее группу сокрушающему чувству разочарования и преподал даже один еще более важный урок – что они значат гораздо меньше, чем воображают.

– Ты научил и ее группу, и все предыдущие, что Наследие – это шутка, а наставник по Наследию – неуклюжий кретин.

– Так попроси Цзиму меня уволить, – дернул бровями Цзян. – Я знаю, ты уже пробовал. Цзюнь закатил глаза с выражением невыносимого страдания. Рин подозревала, что это единственная разумная часть каждой их стычки.

– Я доложу об этом Цзиме, – предупредил Цзюнь.

– У Цзимы есть и более важные занятия. Если я приведу малышку Рин к обеду, Цзиме будет плевать. Так что прочь с дороги.

Цзян шелкнул пальцами и велел Рин идти за ним. Не открывая рта, она побрела следом.

– Почему он так вас ненавидит? – спросила Рин, когда они спустились с горы в сторону города.

Цзян пожал плечами.

– Говорят, во время Второй опиумной войны я убил половину его людей. Он никак не может этого пережить.

– А это так? – посчитала необходимым спросить Рин.

Он снова пожал плечами.

– Понятия не имею.

Рин не знала, что на это ответить, а Цзян не стал вдаваться в подробности.

– А теперь расскажи о своей группе, – попросил через некоторое время Цзян. – Кучка титулованного отродья?

– Я плохо их знаю, – сказала Рин. – Они все... То есть...

– Умнее? Лучше подготовлены? Более важные персоны?

– Нэчжа – сын наместника провинции Дракон, – буркнула Рин. – Что я могу этому противопоставить? Отец Венки – министр финансов. Отец Катая – министр обороны или что-то в этом духе. Семья Нянь – лекари наместника провинции Кролик.

– Вполне типично, – фыркнул Цзян.

– Типично?

– В Синегарде любят коллекционировать отпрысков наместников. Держат их под тщательным присмотром.

– Зачем? – спросила Рин.

– Чтобы иметь на них влияние. Идеологическая обработка. Нынешние наместники слишком сильно ненавидят друг друга, чтобы совместно участвовать в деле национального масштаба, а имперская бюрократия имеет слишком мало власти на местах, чтобы их заставить. Взгляни хотя бы на состояние имперского флота.

– У нас есть флот? – удивилась Рин.

– Вот именно, – фыркнул Цзян. – А раньше был. В общем, Дацзы надеется, что Синегард скует поколение лидеров, которые будут любить друг друга, а главное – подчиняться трону.

– А в моем лице она прямо золотую жилу нашла, – пробормотала Рин.

Цзян с улыбкой покосился на нее.

– А что, ты разве не хочешь стать хорошим солдатом империи?

– Собираюсь, – поспешила ответить Рин. – Но мало кто из однокурсников меня любит. Или вряд ли полюбит.

– Ну, это потому, что ты смуглое крестьянское отродье, которое не умеет произносить букву «р», – весело отозвался Цзян и свернул в узкий проход. – Сюда.

Он повел Рин по кварталу мясников, где стоял тошнотворный запах крови и толпился народ. Рин заткнула нос пальцами. В переулках выстроились мясные лавки, зажатые совсем тесно, почти друг на друге, словно неровные зубы. Через двадцать минут, после множества поворотов, они остановились у сараюшки в конце квартала. Цзян трижды постучал в шаткую деревянную дверь.

– Чего надо? – раздался изнутри визгливый голос.

Рин аж подпрыгнула.

– Это я, – бесстрастно откликнулся Цзян. – Твой самый большой любимец во всем свете. Внутри послышался лязг металла. Через пару секунд дверь открыла иссохшая крохотная женщина в бордовом халате. Она кивком поприветствовала Цзяна и подозрительно покосилась на Рин.

– Это вдова Маун, – сказал Цзян. – Она кое-что мне продает.

– Наркотики, – прояснила вдова Маун. – Я наркоторговка.

– Она имеет в виду женьшень и всякие корешки, – сказал Цзян. – Чтобы меня подлечить. Вдова Маун закатила глаза.

Рин заворожено следила за этим обменом репликами.

– У вдовы Маун есть одна проблема, – бодро продолжил Цзян.

Вдова Маун отхаркалась и сплюнула комок мокроты в грязь, под ноги Цзяну.

– Нету у меня никакой проблемы. Это ты создаешь эту проблему по неизвестной мне причине.

– В общем, – продолжил Цзян все с той же идилической улыбкой, – вдова Маун любезно позволила тебе помочь ей с решением этой проблемы. Не приведете ли животное, госпожа Маун?

Вдова Маун скрылась в подсобке лавки. Цзян жестом велел Рин следовать за ним внутрь. Рин услышала за стеной громкий визг. Чуть погодя вдова Маун вернулась с визжащим животным в руках и поставила его на прилавок.

– Вот поросенок, – сказал Цзян.

– Поросенок, – согласилась Рин.

Поросенок был крохотным, с локоть Рин, с пятнистой черно-розовой шкурой. Вздернутый пяточек создавал впечатление, что поросенок смеется. Он был удивительно симпатичным. Рин почесала его за ушами, и он благодарно потыкался в ее руку.

– Я назвал его Сунь-цзы, – радостно объявил Цзян.

Вдова Маун зыркнула на него так, словно не может дождаться, когда же он наконец уйдет.

– Вдове Маун приходится каждый день поить Сунь-цзы, – поспешил объяснить Цзян. – Проблема в том, что Сунь-цзы нужна особая вода.

– Сунь-цзы прекрасно мог бы пить и воду из канавы, – прояснила вдова Маун. – Ты специально все усложняешь ради своих упражненьиц.

– Можно просто сделать все, как мы репетировали? – спросил Цзян. Рин впервые увидела, как кто-то сумел задеть его за живое. – Ты портишь все впечатление.

– Разве не об этом тебе постоянно твердят? – спросила вдова Маун.

Цзян довольно фыркнул и хлопнул Рин по спине.

– Вот в чем дело. Вдове Маун приходится поить Сунь-цзы особенной водой. К счастью, эта кристально чистая вода течет из источника на вершине горы. Задача заключается в том, чтобы отнести туда Сунь-цзы. Вот этим ты и займешься.

– Вы шутите, да? – сказала Рин.

Цзян просиял.

– Каждый день ты будешь спускаться в город и навещать вдову Маун. Будешь относить чудесного поросенка наверх и поить его. Потом приносить обратно и возвращаться в академию. Все понятно?

– Но в гору и обратно два часа пути!

– Это сейчас два часа, – бодро произнес Цзян. – А когда поросенок подрастет, путь будет занимать больше времени.

– Но у меня занятия, – возразила Рин.

– Тогда стоит вставать пораньше. К тому же по утрам у тебя все равно нет занятий по Боевым искусствам. Так ведь? Кое-кого выгнали.

– Но...

– Кое-кто не сильно хочет остаться в Синегарде.

Вдова Маун громко фыркнула.

Рин вспыхнула и взяла поросенка на руки, стараясь не поморщиться от запаха.

– Похоже, мы с тобой будем часто видеться, – пробурчала она.

Сунь-цзы дернулся и уткнулся в сгиб ее локтя.

В следующие четыре месяца Рин каждый день вставала до рассвета, со всех ног мчалась вниз, в вонючий мясной квартал, чтобы забрать Сунь-цзы, привязывала поросенка к спине и бежала обратно в гору. Она выбрала длинный обходной путь, чтобы однокурсники не заметили ее с визжащим поросенком.

Она часто опаздывала на Медицину.

– Где тебя носило? И почему несет как от свиньи? – поморщился Катай, когда Рин села рядом.

– Несла поросенка на вершину горы, – сказала она. – По приказу капризного безумца. В попытке найти выход из ситуации.

Она вела себя отчаянно, но Рин и попала в отчаянное положение. Теперь ее шанс остаться в Синегарде зависел от местного сумасшедшего. Она садилась в задних рядах, чтобы никто не унюхал запах Сунь-цзы, когда она возвращалась из мясной лавки вдовы Маун.

Но, учитывая, что все и так старались держаться от нее подальше, это вряд ли имело значение.

Цзян не только заставлял ее носить поросенка. С паразитическим постоянством он каждый день ждал ее в саду к началу урока.

– А знаешь, основанные на поведении животных боевые искусства не были созданы для сражений, – сказал он. – Изначально они служили для оздоровления и долголетия. «Игры пяти животных», – он протянул свиток Иньмэня, который так долго разыскивала Рин, – это на самом деле система упражнений для улучшения циркуляции крови и предотвращения старческих болезней. Лишь недавно эти фигуры приспособили для боя.

– Тогда почему я их изучаю?

– Потому что Цзюнь полностью игнорирует «Игры». Цзюнь учит упрощенной версии жиденьких боевых искусств, приспособленных под человеческую биомеханику. Но слишком многое упускает. Ради эффективности в бою вычеркнули столетия, за которые оттачивалась техника. Цзюнь может сделать из тебя приличного воина. А я могу дать тебе ключ к мирозданию, – величественно произнес Цзян и тут же стукнулся головой о низко нависшую ветку.

Тренировки с Цзяном не имели ничего общего с занятиями у Цзюня. В уроках Цзюня существовала строгая иерархия, четкий переход от базовых техник к более сложным.

Но Цзян учил Рин непредсказуемо – всему, что взбредет в голову. Он мог повторить какой-нибудь урок, который находил интересным, а в противном случае делал вид, что они никогда этим не занимались. Периодически он ни с того ни с сего раздражался длинными тирадами.

– Вселенная состоит из пяти главных элементов... Сотри с лица это выражение, это не так нелепо, как звучит. В прежние времена наставники считали, что все вокруг сделано из огня, воды, воздуха, земли и металла. Современная наука доказала ложность этого утверждения. И все же это полезно помнить для понимания разных типов энергии.

Огонь – это жар в твоей крови в разгар боя, кинетическая энергия, заставляющая сердце биться быстрее. – Цзян похлопал себя по груди. – Вода – это поток силы от мышц к твоей мишени, она поднимается от земли к талии и рукам. Воздух – это дыхание, которое поддерживает в тебе жизнь. Земля – это то, как крепко ты стоишь на ногах. А металл – твое оружие. Хороший боец поддерживает равновесие всех пяти субстанций. Если сумеешь одинаково умело контролировать все пять, то будешь неудержимой.

– А как мне узнать, что я их контролирую?

Цзян почесал за ушами.

– Хороший вопрос. Я точно не знаю.

От Цзяна было раздражающе сложно добиться разъяснений. Его ответы всегда были странно сформулированы и состояли из нелепых фраз. Понять их удавалось не сразу, некоторые и вовсе никогда. Если Рин просила объяснить, он менял тему разговора. Если она пропускала мимо ушей его особенно абсурдное замечание («Твоя Вода не в равновесии»), он настойчиво спрашивал, почему она не задает вопросов.

Говорил он странно, всегда либо слишком быстро, либо слишком медленно, со странными паузами между словами. Смеялся он двумя способами. Один смех – сбивающийся с ритма, нервный, на высоких нотах, явно неестественный, а другой – раскатистый, низкий и громкий. Первый Рин слышала постоянно, а второй редко и всегда вздрагивала при этом. Цзян нечасто встречался с ней взглядом, смотрел обычно куда-то в переносицу.

Двигался Цзян так, словно был не из этого мира. Будто явился из страны, где жили почти что люди, почти никанцы, но не совсем, а вел он себя как заплутавший турист, который бросил попытки скопировать поведение окружающих. Он выглядел чужаком не только в Синегарде, но и на самой земле. Вел себя так, будто законы природы его не касаются.

Может, так оно и было.

Однажды они забрались на самый верхний ярус академии, выше жилищ наставников. Здесь стояла только одна высокая спиральная пагода, девять этажей, элегантно стоящих один на другом. Рин никогда не заглядывала внутрь.

Еще с первой экскурсии несколько месяцев назад она помнила, что академия Синегарда построена на месте старого монастыря. Пагода на самом высоком ярусе, вероятно, до сих пор была храмом. Перед входом лежали старые каменные подставки под палочки с благовониями. По обе стороны двери на длинных шестах были установлены вращающиеся цилиндры. Присмотревшись, Рин заметила вырезанные по бокам старые никанские буквы.

– А это зачем? – спросила она, медленно закрутив цилиндр.

– Это молитвенные колеса. Но сегодня у нас нет времени в это вдаваться, – сказал Цзян и жестом велел следовать за собой. – Сюда.

Рин ждала, что девять ярусов пагоды связаны лестничными пролетами, но внутри оказалась лишь спиральная лестница, ведущая на самый верх, то есть просто пустой цилиндр, заполненный воздухом. Через квадратное отверстие в потолке пробивался солнечный луч, в воздухе плавала пыль. С лестницы свисали заплесневелые рисунки. Похоже, несколько десятилетий их никто не чистил.

– Раньше здесь стояли статуи Четырех богов, – сказал Цзян, указывая в пустоту.

– А где они сейчас?

Он пожал плечами.

– Взяв Синегард, Красный император забрал большую часть религиозных предметов. В основном их переплавили в драгоценности. Но это не имеет значения.

Он кивнул Рин, чтобы она поднялась за ним по лестнице.

По мере восхождения он продолжил лекцию:

– Боевые искусства в империю принес с юго-восточного континента воин по имени Бодхидхарма. Когда во время своих странствий по миру он обнаружил империю, то пришел в монастырь и захотел войти, но глава монастыря ему отказал. Тогда Бодхидхарма уселся в ближайшей пещере лицом к стене и просидел там девять лет, слушая крики муравьев.

– Что-что слушаешь?

– Крики муравьев, Руин. Будь внимательней.

Она выругалась сквозь зубы. Цзян не обратил на это внимания.

– Легенда гласит, что он пробурил взглядом дыру в стене пещеры. Монахов то ли тронул его религиозный пыл, то ли произвело впечатление упрямство, но в конце концов они впустили

его в храм. – Цзян остановился перед рисунком с изображением смуглого воина и белокожих монахов в длинных рясах. – Бодхидхарма – в центре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.